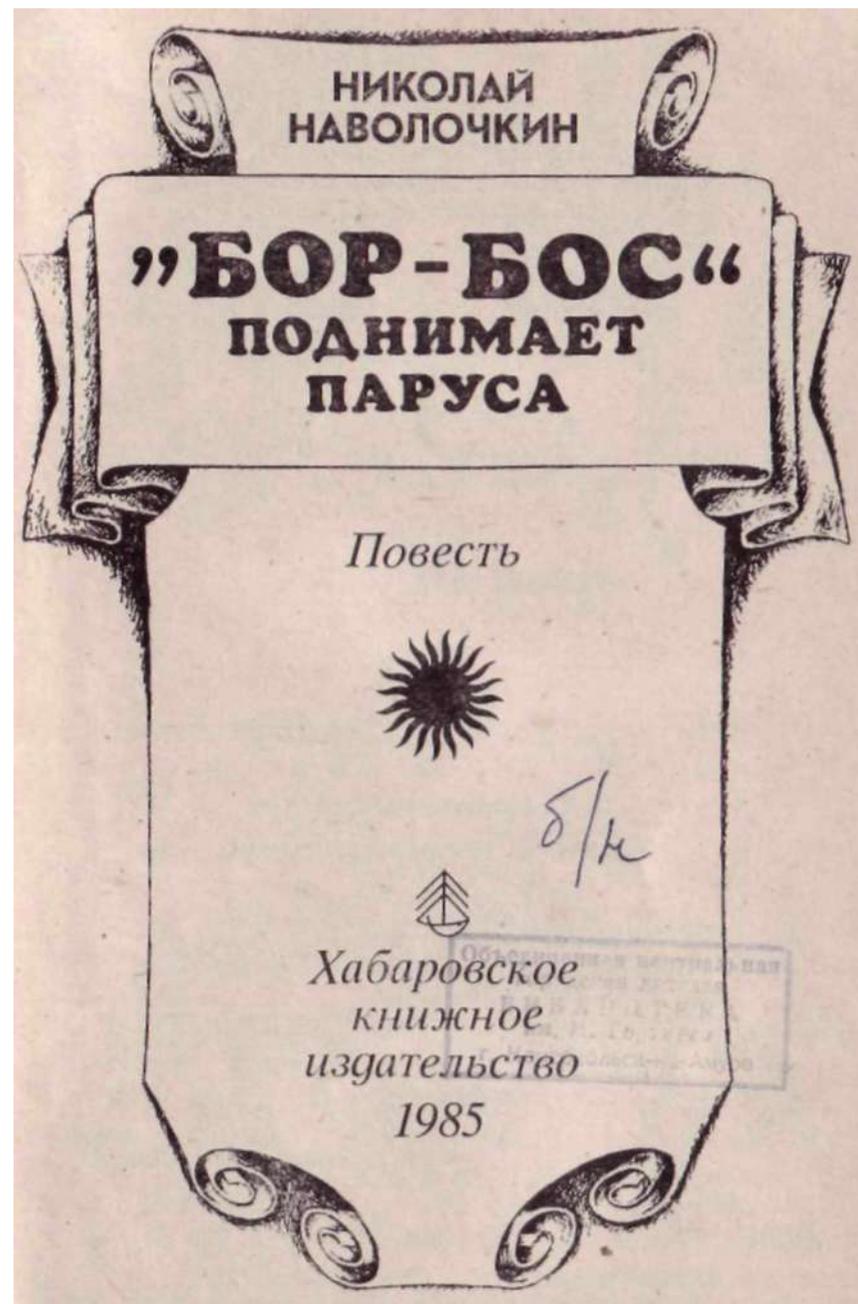
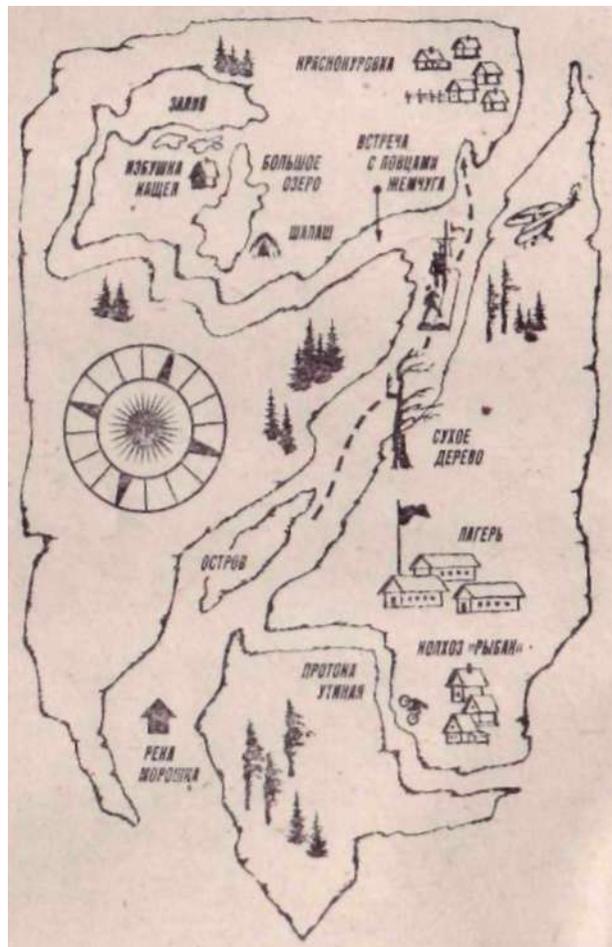

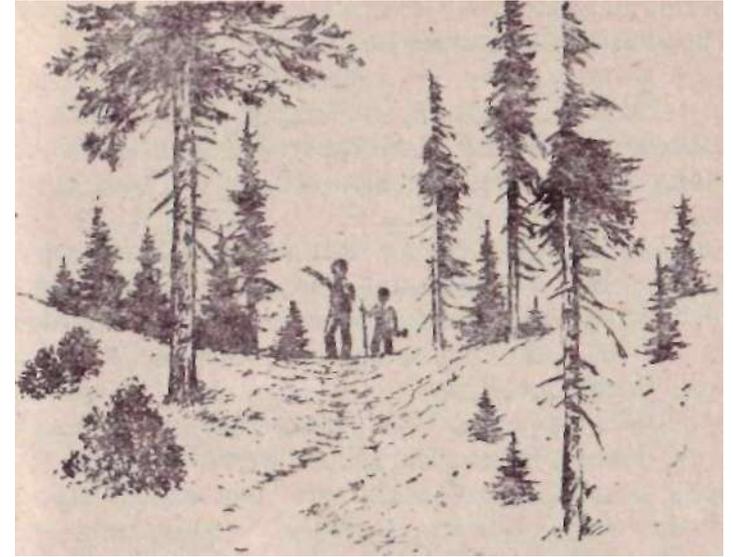
НИКОЛАЙ
НАВОЛОЧКИН

**„БОР-БОС“
ПОДНИМАЕТ
ПАРУСА**

*КАРТА
ПУТЕШЕСТВИЯ
НА ФРЕГАТЕ
"БОР-БОС"*

Глава первая

*С чего все началось. Ваня Конденсатор.
Отбытие Кости Борисова в космос. Ваня идет в другую
сторону. Река Морошка*

Конечно, Костя вчера сделал ошибку, когда согласился взять с собой Павлика Киле...

До восхода солнца оставался еще добрый час. За Утиной протокой в колхозе «Рыбак» спросонья голосили петухи. Все шесть отрядов пионерского лагеря досматривали свои ребячьи сны. А Павлик растормошил Костю и сейчас, посматривая, как он собирается, преспокойно сидел на своем рюкзаке.

— И что у тебя, бессонница, что ли? — ворчал Костя, не попадая рукой в рукав рубашки. — Встали бы перед подъемом и пошли. Видишь вон, как

Никита посапывает. Опит человек и горя не знает... Как это ты еще в час ночи не проснулся?

— В час рано, — невозмутимо ответил Павлик. — Я просыпался, да темно было. Я и в три просыпался — тоже темно. А сейчас что, сейчас уже светает. В протоке рыба всюю плещется. Надо идти...

Позавчера, когда на совете дружины решили провести игру «Отважные следопыты», Косте и его другу Никите поручили самое главное: хорошенько спрятать от следопытов вымпел и самим не заблудиться. Вожатая Ида Сергеевна так и заявила:

— Вымпел спрячут Костя Борисов и Никита Козлов. Костя у нас будущий путешественник. Он, ребята, в лагерной библиотеке все книги про путешествия успел прочитать. И «Путешествие на «Контики» и «Путешествие на «Скорлупке». А Никита хороший горнист и вообще общественник. Вымпел надо спрятать далеко, километра за три от лагеря. Мне кажется, что, если мы пошлем Костю и Никиту, они задание выполнят и сами не потеряются. Как вы думаете, ребята?

Ребята закивали стриженными головами. Девочки с интересом посмотрели на Костю и Никиту, а Рая Тузикова встала и отрапортовала:

— Первый отряд поддерживает! Борисова у нас еще в школе Дерсу Узала называли. — Она что-то шепнула Насте, и обе прыснули в ладошки.

С Никитой, конечно, идти было бы лучше, все-таки приятель, на одной парте в шестом классе сидели, а Павлик что — мелкота, четвертый класс. Но Никита, кроме того, что был горнистом и общественником, славился среди друзей как страшно невезучий человек. Вожатая об этом не знала, а Костя знал. Никита не раз терял мундштук от горна. Недавно на рыбалке от него ушел целый кукан чебаков. Однажды кто-то положил ему под подушку куклу, и, понятно, весь отряд сочувственно распра-

шивал, когда он, при своей занятости, успевает играть в куклы. А вчера Никита порезал пятку и весь день скакал на одной ноге. С порезанной пяткой даже такой путешественник, как Ливингстон не отправился бы в дебри Центральной Африки. Пришлось искать замену и Никите. Тут подвернулся этот Павлик. Прослышав о готовящейся игре (наверное, девчонки разболтали), он целый день ходил то за Идой Сергеевной, то за Костей и все канючил:

— Костя, ну что тебе, жалко?... Давай я пойду. Я уже все, что надо, в рюкзак собрал.

— Ида Сергеевна, пошлите меня. Честное слово, я больше не буду по ночам закидушки проверять и заплывать далеко не буду. Ну вот честное пионерское!

Первым сдался Костя. По правде сказать, Киле просто не давал ему прохода. Тут даже сравнение, что он бродил за ним, как тень, не годится. Какая там тень! Во-первых, от тени можно уйти в тень, а во-вторых, она молчит. Павлик же ходил и бубнил, и все одно и то же. И будущий путешественник Костя Борисов сдался. Ида Сергеевна колебалась до ужина. Потом отозвала Костю и сказала:

— Ладно, Борисов. Пусть идет... На твою ответственность. Ясно? А то никакой тайны не будет — весь лагерь узнает, что мы задумали.

После ужина Костя намекнул Павлику, что это он уговорил Иду Сергеевну.

— Только потому, что я взял тебя под свою ответственность, она и согласилась. Так что слушаться меня беспрекословно! — Это слово любил говорить Костин папа, и Костя повторил его дважды. — Да смотри не проспи.

Павлик заулыбался, козырнул и побежал догонять свой отряд.

«Все равно проспит, — подумал Костя. — Ну, ладно, я его пораньше разбуду. Будет знать, что такое настоящее путешествие».

Но Павлик проснулся первым, и Костя, чтобы скрыть свое смущение, ворчал на него до тех пор, пока не надел рюкзак.

— Ну, правое плечо вперед! Только чур не отставать. А компас достал? — проговорил Костя, с гордостью пощелкав по стеклу своего компаса.

Этого необходимого каждому настоящему следопыту прибора у Павлика не оказалось, и Борисов только рукой махнул:

— Эх ты, горе-путешественник! Карта-то хоть у тебя есть?

Но и карты у Киле не было.

— Ладно, пошли, — сердито сказал Борисов.

— Костя, — нисколько не обижаясь, шепнул Павлик, — давай горн прихватим, а? — И он, хитро прищурившись, кивнул на горн, торчащий из-под Никитиной подушки.

— Зачем? — удивился командир похода.

— Дудеть по дороге будем. Идти веселей. Давай, а?

Сначала Костя хотел отказаться, но потом подумал: «Пусть-ка Никитка поищет. Вот будет смех: лагерный горнист проспал свой горн!»

— Давай, бери, — согласился он.

Так скромно началось это пока еще малоизвестное путешествие, в летописи которого скоро появятся и первобытные люди, и славный фрегат «Бор-Бос», и веселые ловцы жемчуга. Но все это дальше. А пока ребята вышли на песчаную дорожку, по которой обычно бегали купаться в протоку, поежились от утреннего холодка и зашагали навстречу опасностям, прямо в темные заросли тальника.

Примерно через двадцать минут после того, как на Костю и Павлика набросились поджидавшие их у протоки комары, дверь одного из лагерных домиков приоткрылась. В образовавшуюся таким образом щель выглянула чья-то голова. Убедившись, что лагерь мирно спит, человек, которому принадле-

жала голова, выскользнул из двери. Держась в тени, он направился к другому домику, над крылечком которого висела табличка: «Радиоузел», а пониже мелом было написано: «Посторонним вход воспрещен. Штраф 100 рублей».

По-видимому, человек этот не был посторонним, потому что его не остановило объявление о штрафе в целых сто рублей. Он без всякого ключа снял огромный замок и скрылся в домике. Еще через несколько минут он так же бесшумно повесил замок на прежнее место и, старательно обогнув будку, где проживал лагерный пес Терешка, стал подкрадываться к дому девочек.левой рукой он придерживал что-то под майкой, а в правой держал сложенную в четыре раза половинку тетрадной страницы.

Известно, что люди, за редким исключением, для того чтобы войти в здание, пользуются дверью. Человек в майке пренебрег этим довольно старым способом. Он обошел корпус и присел у окна. Осмотревшись, человек шлепнул комара, пищавшего возле шеи, и, привстав, осторожно потянул раму. Она поддалась и бесшумно открылась. Еще раз осмотревшись, человек лег животом на подоконник и засунул бумажку под подушку спавшей у окна Раи Тузиковой. А через минуту он шагал к протоке.

У берега протоки человек сошел с дорожки прямо в высокую густую траву. Не обращая внимания на то, что его тапочки и ноги сразу стали мокрыми от обильной росы, он направился к старой коряжине. Здесь, разбросав хворост, достал чемоданчик, положил в него два пирожка, которые до этого прятал под майкой, пощупал на дне чемодана какие-то винтики, мотки проволоки и железки, закрыл чемоданчик и, вздохнув, выбрался на тропу.

Человек этот, хотя и поступал странно, не был какой-нибудь подозрительной личностью; Имя и фамилия у него были самые простые — Ваня Иванов. Но ребята еще в городе прозвали его Ваня Конден-

сатор, или Ваня Конструктор. Так с этими научными прозвищами он и прибыл в лагерь и носил их здесь, нисколько не обижаясь. Конечно, Ваня не был еще настоящим конструктором, для этого ему пока не хватало лет и некоторых необходимых знаний. Оба прозвища он получил потому, что увлекался радиотехникой. Многие жильцы большого дома, в котором проживал Ваня, частенько просили его посмотреть замолчавший радиоприемник. И Ваня никому не отказывал. После его ремонта многие приемники потом действительно работали на радость владельцам. Самое же удивительное заключалось в том, что после каждого такого ремонта у Вани всегда почему-то оставались лишние детали. Свой домашний приемник Ваня налаживал уже несколько раз, и, хотя лишних деталей набралась целая коробка, приемник все-таки работал. Родной Ванин дед, которого премировали когда-то этим приемником, всякий раз удивлялся.

— Ну и ну! Наш Иван опять утер нос инженерам, — говаривал он. — Давай, внук, выбрасывай. И когда у тебя один футляр, без всех этих побрякушек, заговорит, повезем его в Москву. Знай наших...

И дед вздыхал, вспоминая, как в годы его отрочества некоторые мальчишки мастерили простые детекторные приемники, в которых были антенна, наушники, моток проволоки и, кажется, больше ничего.

Может быть, когда-нибудь после очередного ремонта у Вани действительно останется один говорящий футляр, и так сбудется мечта деда, но пока в приемнике имелись и лампы, и конденсаторы, и сопротивления, и прочие внутренности.

В лагерном радиоузле Ваня был одной из ведущих персон, и, может быть, поэтому узел работал исправно.

Выйдя на тропу и, как мы знаем, вздохнув, Ваня, размахивая чемоданчиком, зашагал прямо на

всходящее над тропинкой солнце. Тропинка шла вдоль берега протоки, но самой протоки за густой стеной тальника, а рос он и на берегу и по колено в воде, не было видно. Только по частым всплескам рыбы можно было догадаться, что протока рядом.

Когда здесь час назад проходил Павлик, рыбацкое сердце его разрывалось на части. Он все время хотел предложить Косте бросить раз-другой закидушку, но не отваживался — очень уж занятый вид был у командира. Костя шел впереди и оглядывал окрестности, приложив к глазам полусжатые кулаки, — другой оптики у него, к сожалению, не было. Он останавливался только для того, чтобы многозначительно посмотреть на компас, и шагал дальше.

В одном месте тальник расступился, уступив место травянистому берегу.

— Определимся, — произнес Костя и достал из кармана рюкзака карту.

Опустившись на одно колено, начальник экспедиции (так Костя мысленно стал называть себя) разложил карту, а сверху поставил компас.

Карта, которой пользовался Костя, имела один маленький недостаток: когда начальник экспедиции поставил на нее компас, под ним скрылся весь Хабаровский край, большая часть Приморья, четверть Якутии, вся Амурская область и даже кусочек Кореи. Короче говоря, это была обычная физическая карта СССР из учебника географии. Для Утиной протоки и бурной речки Морошки, в которую она впадает, на карте не нашлось места. Но это путешественника не смущало.

Павлик в картах еще не особенно разбирался. Правда, на той, большой, что висела в классе, он свободно находил, например, Африку и Америку, но что обозначает слово «определимся», точно не знал. Отмахиваясь попеременно то веткой, то горном от комаров, которые на восходе солнца становятся

особенно свирепыми, он предоставил Косте право определяться, сколько тот хочет. В это время, разбив в воде перевернутое отражение тальника, у самого берега шумно плеснулся сом. Мелкие рыбешки, выскакивая из воды, кинулись в разные стороны. От набежавших кругов зашатались бородатые корни стоявших в воде талин, и Павлик не выдержал:

— Костя, я кину, а?

— Что кинешь?

— Закидушку.

— Некогда. Нагни лучше ветку и привяжи к ней ленточку, все-таки польза от тебя будет.

Борисов достал из кармана белую тряпку, оторвал от нее лоскут, подал Павлику, а сам спрятал у корней дерева конверт, на котором значилось: «№ 1».

Поднявшееся над рекой солнце подсушило траву, комары попрятались, и идти стало веселее. Павлик посердился немного на товарища за то, что он не разрешил ему порыбачить, и перестал. Он сбивал горном пушинки на редких одуванчиках и напевал нанайскую песню:

Эх, лингданданя,
В омуте темпом сом
Щелкает ртом.

Эх, лингданданя,
На отмели поутру
Мечет сазан икру.

Костя тоже любил петь песни. Точнее, не всякие песни, а одну. Но сейчас он не думал о песнях — он мечтал о всевозможных необычных приключениях. Вот, например, заблудились бы они и, вместо того чтобы возвращаться в лагерь с ребятами (они в десять часов выйдут по их следу), переночевали бы в лесу. А утром Костя вывел бы Павлика, напуганного и уставшего, к воротам лагеря. Здорово, конечно! Но заблудиться было очень трудно. Протока

Утиная неуклонно вела к реке Морошке, а на берегу Морошки им надо спрятать вымпел, разыскать который пойдет первый отряд.

Эх, лингданданя,
Выдра, как шука, ныряет,
Рыбу пугает... —

продолжает напевать Павлик, а сам думает, как хорошо он сегодня порыбачит, когда они спрячут вымпел. Ребята подойдут не скоро, им ведь надо искать метки, и он успеет забросить несколько закидушек. Крупную рыбу можно надеть на сдевок и опустить в воду, пусть пока плавает, потом он подарит ее поварихе тете Насте. Из косаток он приготовит шашлык и угостит проголодавшихся друзей.

Когда, обдумав все возможности, Костя понял, что заблудиться при всем желании не удастся, он стал мечтать о другом. Спрятав вымпел, усядутся они где-нибудь в укромном месте отдохнуть, и вдруг... Костя даже вздрогнул, так его взволновала собственная фантазия. И вдруг сверкнет яркий свет, загрохочет гром и на землю опустится огромный золотой шар. Павлик зажмет уши и закроет глаза, а Костя встанет, поправит красный галстук и твердым шагом пойдет прямо к шару. Он-то знает, что этот шар — космический корабль с далекой, неизвестной планеты. Как только Костя приблизится к шару, раздвинется невидимая дверь и навстречу Косте выйдет начальник космической экспедиции. Они станут друг против друга — представитель чужой планеты и представитель Земли Костя Борисов — и протянут друг другу руки. И если даже у инопланетянина вместо рук окажутся щупальцы, Костя, не раздумывая, пожмет протянутый щупалец.

Внутри корабля раздастся величественная музыка, и киноаппараты пришельцев увековечат эту историческую встречу.

И тут неожиданно выясняется, что космонав-

там с чужой планеты ни минуты больше нельзя оставаться на Земле. Какие-то земные микробы, а может газы, начинают разъедать стенки их корабля. Цвет его из золотого становится коричневым. В этот трагический момент Костя решается на героический поступок: он жестами объясняет пришельцам, что летит с ними. Благодарные инопланетяне прижимают руки к своим животам, чтобы показать, как они восхищены его решением.

А вокруг шара уже собрались ребята из лагеря, они удивлены и ничего не понимают. Костя произносит свою прощальную речь. Девочки плачут, вожатые безуспешно его отговаривают. Петя Азбукин, всегда жалеющий пленку, на этот раз непрерывно щелкает «Сменой». Даже Ваня Конденсатор восхищенно смотрит не на Раю Тузикову, а на него — Костю Борисова. Под дружные аплодисменты, переходящие в овацию, Костя заходит в шар. Слышится щелчок...

— Тур-ду-ту-ту! Тур-ду-ту-ту!!! — раздается над ухом Кости.

Это Павлик, которому надоело напевать свою рыбацкую песню, решил опробовать горн.

От неожиданности Костя-астронавт шарахнулся в сторону и кубарем покатился с высокого берега протоки. Затрещали какие-то сучки, и Борисов плюхнулся в воду. К счастью, у берега тянулась мель. Все обошлось благополучно, если не считать, что перепуганные пескари, стайкой гревшиеся на отмели, после Костиного полета целый час искали друг друга, так далеко они разбежались.

Сигналы горна не только напугали Костю, но ввели в заблуждение и Ваню Конденсатора. Как известно, Ваня шел по той же дороге, но он не знал, что впереди шагают Костя и Павлик. Тем более он не знал, что у них есть горн. Направлялся Ваня в колхоз «Рыбак». Оттуда он собирался на попутном катере уехать домой в город.

Второпях Ваня не спросил ни у кого про Дорогу В колхоз и пошел совсем в другую сторону. Так он шел да шел, а колхоз «Рыбак», до которого было всего два километра, не показывался. Ваня стал колебаться. Если бы он интересовался географией, то безусловно знал бы, что в «Рыбак» надо идти не на восток, а на запад. Но география представлялась Ване очень сложной наукой. Там надо знать страны света, азимуты, меридианы, градусы, глобусы, автобусы... Хотя нет, автобусы географу знать не обязательно. Но все равно в географии все, по мнению Вани, до невозможности запутано.

То ли дело радиотехника. Случился, например, обрыв катушки гетеродина* длинных или средних волн. Все ясно: надо установить блок переменных конденсаторов на самую низкую частоту поддиапазона, подать на вход сигнал соответствующей частоты и перемещать подвижную часть катушки до появления сигнала. В общем, просто, и никаких меридианов.

Ваня не раз объяснял это деду и соседям, и те понимали, потому что задумчиво кивали головами.

Но сейчас Ваня столкнулся с географией один на один. Здесь не мог помочь лежавший в чемоданчике вольтметр, бесполезной была даже принципиальная схема новейшего супергетеродина, хотя она имелась у Вани. А география окружала его со всех сторон. По левую руку бежала протока Утиная, по правую простирался луг и дальние релки. Где-то был восток, а совсем с противоположной стороны — запад. Наш путник прошел еще немного и, справедливо решив, что два километра давно кончились, хотел повернуть обратно. И он поступил бы совершенно правильно. Но тут впереди что-то протрубило. Сна-

* Гетеродин, супергетеродин — автор и сам толком не знает, что означают эти слова, но он надеется, что ребята, которые увлекаются радиотехникой, объяснят это тем, кто умеет только включать и выключать приемник.

чала Ваня решил, что это звук горна и он, значит, почему-то идет обратно к своему лагерю, — кто же может еще горнить в этих местах, как не Никита? Но, поразмыслив, Ваня догадался, что этого быть не могло, потому что он двигался все время вперед. Тогда Ваня подумал, что слышит гудок какого-то катера на колхозной пристани. А раз так — надо идти в прежнем направлении. Постояв немного, он так и сделал, не зная, что удаляется и от лагеря и от колхоза «Рыбак».

Из лагеря Ваня ушел тайком. Если бы у него спросили, почему он так поступил, Ваня, пожалуй, не смог бы дать вразумительного ответа. Разве скажешь, что хотел досадить Рае Тузиковой? Будущий выдающийся радиоконструктор сам не представлял, за что он хочет ей досадить. Просто, ему хотелось, чтобы она знала, что он ушел из-за нее, и еще ему хотелось, чтобы эта девчонка попереживала и раскаялась. Хотя в чем Рая должна раскаиваться, Ваня тоже не смог бы толком объяснить.

Одно было известно всем девочкам первого отряда: только Рая могла упросить Ваню включить в неурочное время приемник или проиграть через усилитель пластинку. А сам Ваня знал: прикажи ему Рая залезть на самую высокую березу — и он бы залез, хотя очень боялся высоты. Но, к счастью, такая мысль ни разу не приходила в Раину голову.

Вот и ушел из лагеря непонятый человек, по прозвищу Ваня Конденсатор, да ушел-то не туда, куда думал...

Выжав трусы, Костя забыл про пришельцев с далекой планеты и их золотой шар и набросился на Павлика. Он, совсем несолидно для начальника экспедиции, размахивал кулаками и так кричал, как будто Киле был глухой или стоял на другом берегу реки. Но этого Павлика ничем нельзя было пронять. Он присел на корточки, подпер подбородок руками и внимательно слушал. Со стороны могло показать-

ся, что Павлику нравится, как Борисов его ругает. Устав, Костя пригрозил, что отправит его обратно, если он еще хоть раз загорнит без разрешения.

Павлик сказал: «Ладно!» — и ребята пошли дальше.

Скоро должна была показаться Морошка. Песчаные релки, поросшие черемухой, дикими яблонями, тополями и амурским бархатом, придвинулись к самой тропинке. Разлапистые зеленые, с красными прожилками листья дикого винограда свешивались над головами путешественников. Потом тропинка нырнула под зеленый навес перекинувшихся с дерева на дерево виноградных плетей. Запахло медом, грибами, хотя их время еще не подошло, и газированной водой, хотя ей тоже неоткуда было здесь взяться, — ближайший киоск «Прохладительные напитки» находился за сто пятьдесят километров, в городе, из которого приехали пионеры.

И вдруг за кустами боярышника дорожка ткнулась в песчаную осыпь и пропала. Перед глазами ребят блеснула, засверкала сотнями солнечных зайчиков, потянула прохладой бурная речка Морошка. Павлик не удержался и затрубил в горн. Костя радостно заорал, как будто он самый рядовой пионер, а не начальник экспедиции, прыгнул на горячий песок и побежал к воде.

Первый этап путешествия окончен!

Побарахтавшись на песчаной косе, мальчики решили искупаться. Это явно противоречило строгим указаниям Иды Сергеевны. Все пионеры из лагеря обычно купались в спокойной Утиной протоке. Так далеко от лагеря еще никто не ходил. Но коса манила таким отборным, чистым песком, будто кто-то его специально просеивал сквозь сито, она так полого уходила под воду, вода в Морошке оказалась такой прозрачной, а солнце так припекало, что тут уж никак не удержишься.

На песок полетели рюкзаки и сандалии, рубаш-

ки и шаровары, и весь личный состав экспедиции с криками кинулся в воду. Но Морошка недаром текла с синих гор, не зря ее питали ледяные ключи. Так же стремительно, как в воду, личный состав экспедиции, ошалело озираясь, бросился на берег: даже здесь, у косы, вода была холодна как лед. Вот она какая, эта Морошка-река!

Отдышавшись и согревшись, ребята выстругали из ветки стрелку, установили ее так, что она показывала вниз по течению реки, закопали рядом концерт № 2. И отправились искать подходящее место для вымпела.

Песчаная коса, которую в городе называли бы пляжем, протянулась вдоль берега метров на триста. Справа к ней примыкала высокая, густо заросшая лесом релка. Сейчас там, наверное, спела-переспевала черемуха, потому что лакомки-скворцы, надрываясь от крика, кружились над релкой суматошными стаями.

Киле заикнулся, что неплохо бы попробовать, какая здесь черемуха — такая, как у лагеря, или вкуснее, но начальник экспедиции рассердился:

— Повесим вымпел, тогда я, может быть, разрешу, — отрезал он и нахмурился, при этом его усыпанное замечательными веснушками лицо выразило строгость и непреклонность. — А сейчас — вперед!

Вперед так вперед. Исполнительный Павлик послушно поплелся за командиром. А рядом с ребятами по горячей песчаной косе зашагали две тени. Одна — длинная и сухонькая. И хотя на черном лице ее не было веснушек и строгого выражения, — это была Костина тень. Вторая тень, коротенькая и толстая, шагала вразвалочку и два раза за тайком приказала кулак той тени, что шла впереди, — наверное, потому, что ее хозяину не дали порыбачить.

Что касается Вани Конденсатора, то ему именно в эту минуту пришла в голову превосходная идея.

От деда, а потом от старших ребят в Доме пионеров он слышал, что раньше мастерили детекторные приемники в спичечном коробке. «Ну, хорошо, — подумал тогда Ваня, — детектор можно спрятать внутрь коробка, а куда денешь катушку?» И вот сейчас Ваня нашел место для катушки — ее ведь можно намотать вокруг коробка!

Мысль эта оказалась настолько заманчивой, что Ваня забыл на время и про Раю Тузикову, и про колхоз «Рыбак», и про родного деда. Он сел на чемоданчик и стал прутиком чертить на дорожке схеме этого забытого приемника.

Мы не будем мешать изобретателю, — пусть думает. Пифагор тоже думал. Говорят, что он точно так же, как и Ваня, прутиком на земле, доказывал всем желающим свою знаменитую теорему. А вот когда Ваня Иванов встанет, география опять его подведет. Наш конструктор забудет, в какую сторону он шел — туда или сюда.

Глава, вторая

*Почему запоздал завтрак. Радиописьмо.
Переполох. Приказ №1. Следы Вани Конденсатора.
Где Костя с Павликом?*

Поварихе тете Насте приснилось, что она проспала и весь лагерь остался без завтрака. Тридцать малышей из шестого отряда режут во все тридцать голосов. Вожатые лежат в обмороке. Цепной пес Терешка воет. Нанайский мальчик Киле ест сырую рыбу. А старшие (так в лагере звали первый отряд) забрались на черемуху и самовольно, вместе с птицами, обедают эту вязкую ягоду. И самое страшное — им ничего не скажешь, они же, бедняжки, голодные.

Тетя Настя открыла глаза, сразу зажмурилась

и ужаснулась. Обычно она просыпалась, когда первый солнечный луч только касался края подушки, а сейчас он добрался до ее глаз, ослепительный и горячий. Это значило, что всегда аккуратная повариха проспала лишних двадцать минут.

— Подъем! — скомандовала сама себе тетя Настя. Быстро, как солдат, в две минуты собралась и побежала отпустить с цепи Терешку. Она очень удивилась, что Терешка не рвется, не лает и никак не выражает своего недовольства. Обычно эта дисциплинированная собака не терпела опозданий и всегда поднимала недовольный лай, если ее не отцепят вовремя.

Вообще Терешка имел странный характер. Ночью, на цепи, это был лютый, злой пес. Что там чужие, — он и своих не подпускал к тем дверям, на которых висели замки. Но стоило утром отцепить его, как свирепый пес превращался в добродушную и очень терпеливую собаку, которая позволяла малышам таскать себя за уши, бегала со старшими на речку, любила плавать и умела играть в прятки. Зато, как только после спуска флага Никита трубил отбой, Терешка кидался к своей будке. Здесь он ложился и ждал, чтобы его посадили на цепь. Тетя Настя пристегивала ночного стража лагеря к цепи и поскорее уходила, потому что Терешка буквально на глазах терял свое добродушие: шерсть на нем ершилась, и он начинал рычать.

В это же утро Терешка спал как младенец. Тетя Настя ахнула и вспомнила, что вчера она забыла прицепить его к цепи. То-то ночью он ни разу не лаял и не разбудил ее.

Конечно, и Ваня Конструктор не смог бы так безнаказанно бегать в радиорубку и подкрадываться к окну Раи Тузиковой, если бы пес сидел на цепи.

Между тем лагерь просыпался. Весело затрещали дрова на кухне. Вожатые побежали умываться на протоку, хотя пионерам это категорически запрещалось.

лось, потому что, как говорила ребятам Ида Сергеевна, «для умывания в цивилизованном обществе имеются умывальники».

Наконец настало время будить Никиту. Никита вскочил, подтянул трусы, сунул руку под подушку, потом под матрас, но горна там не оказалось. Тогда горнист торопливо стал перетряхивать одеяло, простыни, подушку, заглянул для чего-то в банку с красными саранками и полез под кровать. Под кроватью, кроме пылинок, плавающих в солнечном свете, и стоптанных сандалий, принадлежавших самому Никите, никаких предметов не оказалось. Никита переполз под Костину кровать, — под ней не было даже сандалий. Славный горнист пополз дальше.

Когда Ида Сергеевна, собственными глазами наблюдавшая, как босые пятки Никиты исчезли под кроватью, через несколько минут заглянула туда, — ни пяток, ни их хозяина там не оказалось. Ида Сергеевна заморгала пушистыми ресницами и осторожно позвала:

— Никита! — Под кроватью стояла угрожающая тишина. — Никита! — пугаясь, погромче окликнула Ида Сергеевна. — Никита!

И тогда в дальнем углу комнаты кто-то громко чихнул, и вслед за тем Петя Азбукин истошно закричал и стал колотить полотенцем бедного лагерного горниста, выбиравшегося из-под кровати.

Оказалось, что Никита нечаянно толкнул свесившуюся с кровати ногу Пети Азбукина, а Пете со сна показалось, что это совсем не Никита, а кто-то — кто его знает, кто. Да и вообще Петя не любил, чтобы его спящего трогали за ногу.

Крик Пети Азбукина поднял остальных ребят. Все они были очень хорошими компанейскими ребятами и, узнав, в чем дело, принялись искать пропавший горн. Скоро в палате мальчиков первого отряда поднялась пыль, полетели перья из чьей-то

плохо зашитой подушки, но горн не находился. Никита заглянул в печку. Петя Азбукин предложил верный способ обнаруживания пропавших горнов. По этому способу требовалось стать на одну ногу, зажмурить глаза и хорошенько крутнуться, потом открыть глаза и идти пять шагов туда, куда глаза глядят. Сева вспомнил проверенный способ: по нему следовало плюнуть на ладошку, шлепнуть сверху ла, что это предрассудки, и побежала докладывать о чрезвычайном происшествии начальнику лагеря.

Начальник лагеря подумал всего одну минуту и принял решение будить пионеров без горна. Возжатые кинулись по корпусам. На зарядку лагерь вышел с опозданием на двадцать минут. Это огорчило все взрослое население лагеря, кроме тети Насти. Ей как раз не хватало этих самых двадцати минут, чтобы доварить завтрак.

Кое-как отряды построились и стали ждать, когда из репродуктора раздастся хрипловатый голос физкультурника Семена Петровича. Два дня назад Семен Петрович простудил горло, не мог громко подавать команды и поэтому записал с помощью Вани Иванова всю зарядку на магнитофонную пленку. А уж с пленки можно передавать зарядку как угодно громко. Сам же Семен Петрович становился перед лагерем и, не открывая рта, под свой собственный голос показывал необходимые упражнения.

На этот раз он тоже замер перед строем пионеров и нетерпеливо косил глаза на динамик. Но в динамике что-то долго шуршало, скрипело, наконец хрюкнуло, и голос Вани Конденсатора произнес: "Рая!" Потом наступила пауза, как будто Ваня думал. Затем опять послышалось: «Нет, лучше Ра и с а. Ра - и - са... Так... Я ухожу из лагеря на-все-гда. Так... Прощай. Ваня. Нет, лучше И. И. — Иванов Иван... Так».

Почувяв неладное, Семен Петрович кинулся к

радиоузлу. Туда же бежала из столовой, где она сегодня дежурила, Рая Тузикова. В комнатке радиоузла сидел Ванин помощник Петя Азбукин. Он растерянно вертел ручки, пытаясь выключить динамик.

Оказалось, что Ида Сергеевна, не найдя Вани, поручила включить зарядку Пете, а он поставил не ту катушку с пленкой. Семен Петрович заменил пленку и опять побежал на линейку. Еще по дороге он услышал свой простуженный голос и увидел ребят, вразнобой делавших упражнения.

Так неудачно начался этот лагерный день.

Вани Иванова сразу как-то не хватились. И только после завтрака, когда Рая нашла под своей подушкой записку, в которой фиолетовым по белому Ваня сообщал, что он ушел, лагерь всполошился. Ида Сергеевна и начальник лагеря несколько раз перечитали этот документ, но в нем говорилось только следующее: «Раиса! Я ухожу из лагеря навсегда. Прощай. И. И.» Включили еще раз пленку с Ваниным голосом и догадались, что, наверное, Иванов забыл выключить магнитофон, когда сочинял это послание.

Ваня мог уйти из лагеря только в колхоз «Рыбак» — других дорог из лагеря в населенный мир не было. Физкультурник Семен Петрович сел на велосипед, попробовал звонок — звонок работал, и Семен Петрович запыхал вдоволь Утиной протоки.

Обследование Ваниной кровати ничего не дало. Она была заправлена. Правда, как всегда, не очень аккуратно, но заправлена. Тогда начальник лагеря и Ида Сергеевна стали осторожно допрашивать Ваниных друзей и Раю.

— Заблудится, — в один голос сказали ребята.

— Кто заблудится? Почему заблудится? — испугалась Ида Сергеевна.

— Ваня заблудится. Он неприспособленный, — ответили ребята.

— А может, он где-нибудь приемник разбира-

ет? — высказался Азбукин. — Сидит под кустом и разбирает.

Больше от ребят ничего узнать не удалось.

Обычно бойкая Рая Тузикова бледнела и краснела, но так и не смогла объяснить, почему именно ей оставил Ваня записку.

На всякий случай обыскали все ближние кусты: может быть, и правда Ваня где-нибудь сидит и ладит приемник. Принимал участие в этих поисках и Терешка, хотя он единственный из всего лагеря видел, как уходил Ваня.

Когда все кусты как следует обшарили, вернулся Семен Петрович. Он выбил одну спицу из велосипедного колеса, а Вани не нашел.

Ох, сколько забот навалилось на лагерь! Искать беглеца надо? Надо. Давно пора начинать задуманную игру, ведь Костя и Павлик унесли вымпел и будут на берегу Морошки ждать ребят. Срочно требовалось чем-то занять малышей. Они, пользуясь суматохой, без присмотра старших разбрелись по кустам. А горнист Никита, кроме того, должен был найти казенное имущество — горн.

На чрезвычайном совещании вожатые решили: Первому отряду начинать игру.

Второму и третьему — организовать новые поиски Вани Иванова.

Шестому отряду читать сказку «Конек-Горбунок» — она длинная и надолго займет малышей.

Горнисту Никите, учитывая особую ситуацию, выдать новый горн, а поступок его обсудить позднее.

Остальным отрядам заниматься по расписанию.

И вот, поджав ногу с порезанной пяткой, Никита протрубил сбор.

Ида Сергеевна, не успев позавтракать и как следует прийти в себя после всех волнений, вскрыла перед строем пакет и дрожащим голосом прочитала:

«Приказ № 1 .

Ровно в 10 часов утра первому отряду выступить в поход на поиски красного вымпела.

Двигаться нужно по течению протоки Утиной до метки (ленточка на дереве). Под меткой найти конверт № 1. Дальше следовать так, как сказано в приказе № 2».

Через 20 минут следопыты были готовы выступить в поход. Получили у тети Насти бутерброды, надели рюкзаки, выслали разведку и простились с Никитой. Но тут неожиданно взбунтовался шестой отряд.

Этот отряд единогласно, воздержалась только маленькая Луша, решил тоже стать следопытами и разыскивать вымпел. «А сказку про Конька-Горбунка можно прочитать завтра», — заявили малыши. В бунте шестого отряда косвенно оказалась виновата его вожатая Аня. Она усадила своих питомцев слушать сказку рядом с линейкой, где Ида Сергеевна зачитывала приказ.

Уговорить шестой отряд мог не каждый. Он славился на весь лагерь своей сплоченностью и настойчивостью. Частенько, когда в стороне от лагеря догорал веселый жаркий костер, Аня, построив своих малышей, спрашивала:

— Ну, как, ребята, пойдем, — по дороге или по тропке?

И шестой отряд в один голос отвечал:

— По тропке!

А что это означало? А вот что: по дороге идти совсем неинтересно, она ровная, да еще посыпана песочком, а по сторонам горят лампочки.

Зато по тропке! О! По тропке надо спуститься в овраг, да перебраться по камням через ручей, да мимо темных кустов... Страшно, правда? Но шестой отряд, все как один, кроме трусихи Луши, рос очень смелым и ходил только по тропке.

А однажды ночью между лагерем и колхозом «Рыбак» остановились на привал солдаты. Утром в пять часов солдат-горнист протрубил «подъем». Шестой отряд решил, что это горнит Никита, и поднялся. Поднялся и выстроился на линейке. Стоит отряд, а в лагере все спят. И вожатая Аня спит, и врач, и повар тетя Настя. Даже Терешку еще не спустили с цепи.

Если бы через полчаса Павлик Киле не побежал проверять закидушки, которые он с вечера наживил лягушатами, так бы и стоял шестой отряд до подъема всего лагеря.

Хорошо, что Павлик догадался, скомандовал малышам: «Кругом!» — и увел шестой отряд досыпать.

Попробуй уговори такой дружный и отчаянный отряд. Неожиданно помог врач, студент Май. Отчество у него, как и у физкультурника, было Петрович. Поэтому девушки вожатые называли их обоих «Петровичи». Май Петрович предложил повести шестой отряд на внеочередной медицинский осмотр. Малыши любили, когда их выстукивал и выслушивал врач, и все, даже Луша, согласились. А молодой врач Май Петрович любил возиться с малышами, так что интересы и врача и детей совпали.

Аня построила своих питомцев и гуськом повела в медпункт. А повеселевшая Ида Сергеевна подавала наконец команду:

— Шагом марш! — и для убедительности добавила: — Пошли, ребята.

Хорошо в ясный солнечный день, пока еще не навалилась жара, шагать по лесной тропинке. С треском разлетаются в стороны кузнечики и стрекозы. Загадочно, в два колена, высвистывает свое «спасибо» золотая птица иволга. Правда, жалко, что она из отряда воробьиных, вот была бы из попугаевых — это интересней.

Скрылась впереди разведка. Трещит кустарник

под ногами бокового охранения. Слушает, притаившись в густой листве, молодой лупоглазый соенок пионерскую песню:

Ярче, ярче разгорайся,
Наш костер,
Выше, пламя, поднимайся
На простор.
Выше, пламя, поднимайся,
Громче, песня, раздавайся.
Пионеры собираются на сбор!

Не хватает в этом месте звонкого голоса горна. Остался горнист Никита в лагере, — и надо же было ему порезать пятку! Ну, ничего, барабанщик Сева Понимаешь старательно выбивает дробь. А «Понимаешь» Севу называют потому, что он, где надо и где не надо, говорит «понимаешь». Знает свою беду Севка, да ничего поделывать не может. А во всем виноват Севкин дядя полярник. Прилетел он в отпуск на Большую землю и удивил племянника этим словом.

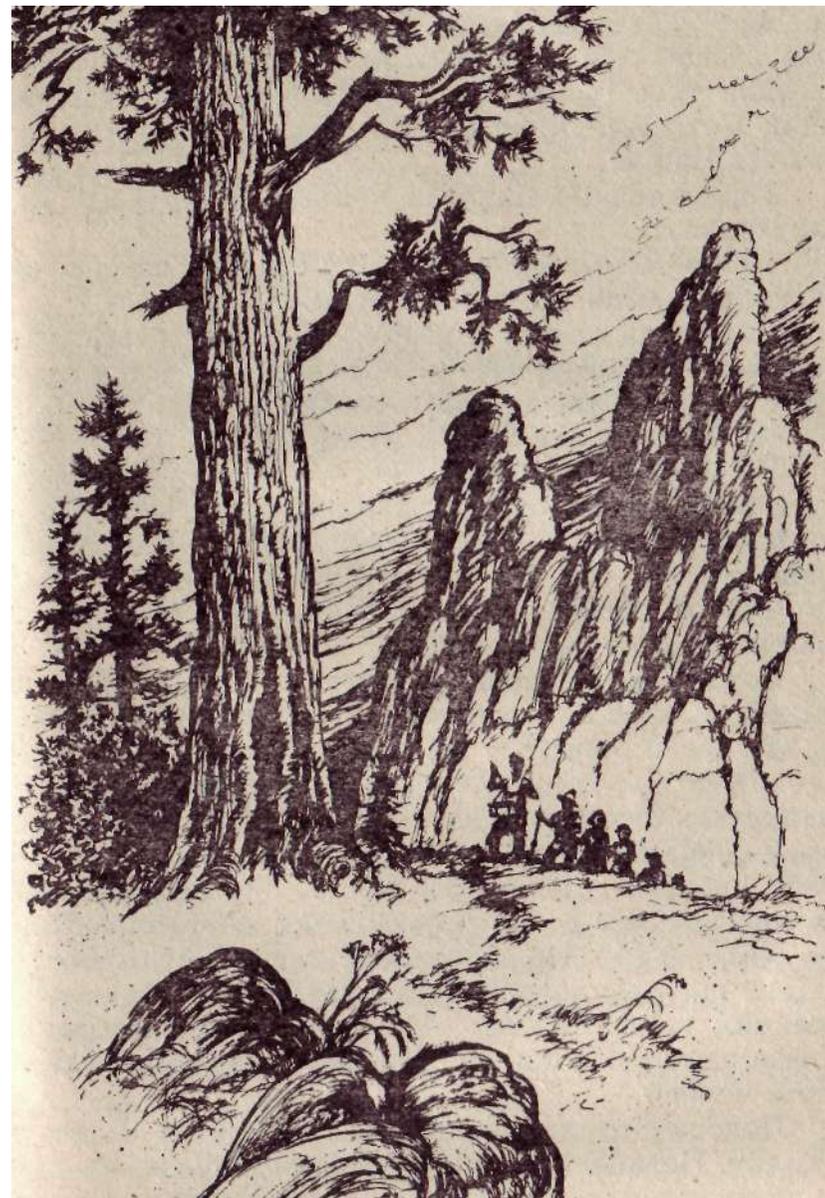
— Приехал, понимаешь, — сказал он Севке утром, — а белого медвежонка тебе не привез. Очень уж, понимаешь, шустрые они, никак не поймаешь.

И так за каждым словом — «понимаешь» да «понимаешь». Стал Севка, когда дядя уходил навеситить друзей, передразнивать его да и привык к дядиному слову — вот как опасно дразниться. И сейчас он, отбарабанив, говорит соседу:

— Эх, понимаешь, нет Никиты. Мы бы с ним дали!

А отряд поет:

Выходите, запевалы,
В первый ряд.
Песню дружную подхватит
Наш отряд.
Песню дружную подхватит,
А хороших песен хватит
У ребят, неунывающих ребят.

Первую метку — лоскуток на дереве — разведчики пробежали (они думали, что висеть будет настоящая лента, такая, какую заплетает Рая Тузикова в свою косу). Ее углядела глазастая Настя и подняла тревогу. За это упущение командира разведки Петю Азбукина сместили, а на его место поставили Настю.

Торжественно вскрыли конверт № 1. В нем лежал приказ:

«Отряд идет правильно. Дальше следовать в том же направлении до новой метки».

Без труда нашли и вторую метку с новым приказом, а глазастая Настя посмотрела на помятую траву и поломанные ветки и сообщила:

— Здесь кто-то бултыхнулся в воду.

Не поверили ребята Насте. Они же не знали, что в этом самом месте свалился Костя в протоку. Свалился за одну секунду до отлета на неведомую планету.

Теперь требовалось отыскать стрелку, — так говорилось в новом приказе.

Бежит тропинка по родной земле, лучше которой нет на всей планете, ведет ребят к речке Морошке. Осторожно шагает впереди внимательная разведка. Стреляет глазами по сторонам Настя, боится пропустить стрелку. И вдруг у релки, где пахнет медом и грибами, заметила Настя следы. Это один человек прошел, — наверное, Костя. Это второй человек прошел, чем-то одуванчик сбил, — наверное, Павлик Киле. А это что за человек шагал, следы Кости и Павлика притоптал? Устал человек, чемоданчик поставил, сидел на нем, — вон как уголки чемоданчика в землю вдавились — и какие-то кружки прутиком чертил.

Подошел отряд, все стали смотреть на Настину находку. Петя Азбукин вперед протиснулся, на следы чемоданчика посмотрел, на кружки взглянул.

— Да это же Ваня Конденсатор на своем чемо-

дане сидел. Видите, схему какого-то приемника на чертил.-А раз здесь схема — Ваня близко!

Обрадовались ребята: значит, пропавший Ваня с Костей и Павликом ушел. Ох и поругают они его! «Проработаем на совете», — подумала Ида Сергеевна, хотя больше других обрадовалась, что Иванов нашелся. А Рая Тузикова ни с того ни с сего попросилась в разведку. Мальчикам все равно: «Иди», — говорят.

А девочки промолчали, только переглянулись и заулыбались, как будто что-то знают. А что им знать?..

Дальше шагает отряд. Вот и тенистая тропинка, где над головой лианы амурского винограда сплелись. И хотя попадают сюда косые солнечные лучи — прохладно на тропинке и сумрачно. На что уж славились на весь отряд своей смелостью разведчики, и те поближе к Иде Сергеевне жмутся. И вдруг закричали разведчики, ахнула вожатая, загомонил весь первый отряд и кинулся к песчаной косе, к сверкающей Морошке.

Такое уж это место веселое. И я не раз там радостно кричал и, разбежавшись, прыгал на мягкий песок.

До самой воды добежала Настя и тут вспомнила, что она главная разведчица.

— Стойте, ребята! — кричит. — Ой, стойте! Следы затопчете.

А ребята раздеваются, в воду лезть хотят. Кое-как Ида Сергеевна навела порядок. Стали смотреть следы — все истоптано, будто здесь медведи с медвежатами плясали.

— А вот и метка! — воскликнул Петя Азбукин и показал на затоптанную стрелку.

Обрадовались следопыты, начали искать пакет, а Петю тут же решили опять перевести в разведку — Настиним помощником.

Пакет № 3 отыскивали быстро. Зачитала Ида Сергеевна приказ:

«Отряду идти по направлению, указанному стрелкой, до новой метки — стрелки, выложенной галькой на песке».

— Куда же пойдем? — спрашивает вожатая. — Стрелку-то затоптали. Как теперь узнать, куда она показывала?

И правда, как? Огляделись ребята. Вниз по течению тянется коса. Может, по ней ушли Костя с Павликом? Вправо от косы уходит релка. А что если на ней в каком-нибудь дупле спрятан вымпел, а Костя, Павлик и Ваня красной смородиной да черемухой лакомятся? Позади бормочет узкая в этом месте протока Утиная. А вдруг через нее перебрались Борисов и Киле и там повесили вымпел?

— Разделимся на три отряда! — предлагает Сева.

— Вдоль релки пойдем, там спелой черемухи много, — советует Петя, а сам «Сменой» Морошку снимает и Настю — начальника разведки.

— Нет, — возражает Настя, — сначала следы поищем. Может, остались следы.

— Правильно, следы поищем, — поддерживает Рая. «Вдруг Ванины следы опять попадутся», — это она так подумала, а вслух не сказала. Зачем все свои мысли высказывать вслух.

— Давайте искать следы, — согласилась Ида Сергеевна. — Только не все сразу, а то мы тут все перетопчем. Пусть сперва разведчики ищут.

Повела Настя разведчиков к протоке. Это совсем рядом. Вот и место, где протока впадает в Морошку. Никаких следов нет на сыром песке. Только какой-то зверек от куста к воде пробежал, а обратно не выбежал.

— Смотрите, собачонок утонул! — удивился Петя.

Нагнулась Настя над следами:

— Это выдра. Видишь, перепонки между пальцами.

Попятился Петя от воды:

— А она, эта выдра, кусается?

— Может цапнуть, — отвечает разведчица.

— Она что, утонула?

— Что ты! — успокоила Петю Настя. — Выдра под водой подолгу плавает. У нее даже вход в нору под водой начинается.

— И откуда ты, Настя, про выдру знаешь? — удивился Азбукин. — Может, выдумываешь все?

— Дедушка рассказывал, — говорит Настя. — Я каждое лето у дедушки в хорских лесах на зообазае гощу. У него там и выдры бывают, и дикие кабаны, и медведи. Там у меня даже друг был — медвежонок Тошка, только увезли его сейчас. С дедушкиной зообаза зверей по зоопаркам забирают.

Вдруг на тропинке кто-то взвизгнул, радостно заскулил и через кусты — прыг к разведчикам. Смотрят ребята — да это Терешка! Сам из лагеря прибежал, не заблудился.

Помчались разведчики с Терешкой на косу, к отряду.

Обрадовались пионеры псу. Обежал Терешка всех, обнюхал, а Севу-барабанщика даже лизнуть ухитрился. Потом как припустит Терешка по косе.

— Разведчики, не отставай! — крикнула Настя и помчалась вприпрыжку за Терешкой.

Немного отбежали, смотрят, у самой воды на песке следы. Только не поймешь, дети здесь прошли или взрослые — осыпались следы.

Направился отряд по следам. Солнце все жарче припекает. Искупаться бы сейчас, да нельзя — вымпел искать надо. А Рая Тузикова и про вымпел думает, и про Ваню не забывает. Интересно, если бы ушел Ваня и ей записку не оставил, наверное, не очень бы беспокоилась Рая. Ну ушел и ушел. Эти мальчишки и не такое выкинуть могут. А теперь за-

бота у Раи: куда он забрел? И почему ей написал? Может, потому, что она председатель совета отряда, или еще почему... Чудак этот Ваня.

Еле поспекает Рая за быстроногой Настей. Вдруг — стоп! Два следа вдоль берега потянулись, а один в сторону, к молодым тополькам свернул. Остановилась Настя. Тузикова отдышалась, под ноги посмотрела, а на сыром песке нацарапано: «Рая». Догадалась она, кто это написал, и, пока не увидели остальные, стерла надпись ногой.

Пробираются следопыты по рощице, слышат, кто-то похрапывает. Смотрят, накрыл человек тубетейкой лицо, чемоданчик под голову — и спит. Да это же Ваня! Сдернул Петя с Вани тубетейку.

— Вставай, — кричит, — беглец несчастный! Его весь лагерь ищет, а он спит. Семен Петрович из-за тебя спицу выбил, а ты спишь! Вот будет тебе!

Сел Ваня, щурится от солнца, смотрит на разведчиков, на лохматого Терешку и спрашивает:

— Это как я здесь очутился?

— А мы почему знаем, — говорит Настя.

— Ты же из лагеря ушел! — радостно подсказал Петя.

А... — припомнил Ваня, встал и тут только Раю увидел. Покраснел. — Ладно, — говорит, — пошли в лагерь.

— Ишь ты какой! — рассердилась Настя. — А выпел кто искать будет?

— Какой еще выпел? — не понимает Ваня. — Меня нашли — и хватит. Я бы сам давно вернулся, да не знал, в какую сторону идти.

Рассказали ребята Ване про игру и повели его к вожатой.

— Так, Иванов. Почему ты дисциплину нарушил — мы в лагере разберемся, — строгим голосом произнесла Ида Сергеевна. — А теперь помогай нам разыскивать выпел. Пойдешь с разведчиками, начальником у тебя будет Настя.

— Ну, чего это Настя будет мной командовать! — возражает Ваня. — Я не хочу.

Набросились на него девочки:

— Да это же Настя тебя разыскала! А то бы ночевал здесь.

— Тогда, пусть я у нее буду помощником, что ли.

— Помощник у нас есть — Петя Азбукин.

Пришлось Ване согласиться идти в разведку рядовым. А Рая Тузикова из разведки вышла.

— Плохой, — заявила, — из меня разведчик. Я в следах совсем не разбираюсь.

Вот и пойми этих девочек: сама же просилась...

Стала Ида Сергеевна думать, кого бы послать в лагерь, чтобы сообщить, что Иванов нашелся. Не хочется никому возвращаться, добровольцев не находится. Да тут, к счастью, зазвенел у протоки звонок и выкатил на косу Семен Петрович. Показали ему Ваню, потрогал его Семен Петрович для верности и поехал успокаивать начальника лагеря.

Опять пошла разведка по следам, по тем, что вдоль Морошки тянулись. Вот и коса кончилась. Дальше идти труднее — берег обрывистый, трава высокая и никаких тропок-дорожек нет.

Огляделись разведчики, и, надо же, все сразу у самой воды стрелку из камушков заметили. И показывает эта стрелка на остров, что посреди Морошки зеленеет. Откопали пакет, отдали Иде Сергеевне, а в нем старый приказ зачеркнут карандашом, а внизу написано:

«Ищите выпел на острове! Костя, Павлик».

— Да что они, с ума сошли! — рассердилась Ида Сергеевна. — Как же мы через реку переправимся? Вот я этому Косте-путешественнику покажу! Давайте, ребята, покричим:

— Костя! Ко-стя!

— Па-авлик! — понеслось над рекой.

Тишина на острове, никто не откликается. Устали пионеры кричать, а Костя и Павлик даже голоса не подали.

— Как же они туда переплыли? — удивляется Ида Сергеевна.

Прошлась Настя вдоль берега и говорит:

— На бревнах. Вот здесь два бревна прибило к берегу, а они их сталкивали.

— И не на бревнах вовсе, а на плоту, — вмешался вдруг Ваня.

— А ты откуда знаешь?

— Видел я.

— Что же ты раньше не сказал?

— Я же не знал, что это Костя с Павликом. Только они на остров не попали, их по течению понесло. Когда я на берег вышел, плот уже вон туда, за кривун, где сухое дерево стоит, уносило.

Посмотрел отряд вдоль реки. Далеко кривун. Может, километр до него, а может быть, и больше.

— Пошли догонять, — скомандовала Ида Сергеевна. — Они там, наверное, к берегу пристали.

Поднялись пионеры на высокий берег. Здесь трава такая вымахала — Иде Сергеевне по пояс, ребятам, кто повыше — по грудь, а кто ростом не удался — и по горлышко.

— Как же, понимаешь, здесь идти, когда никакой дороги нет? — жалуется Сева.

— Мы пойдем один за другим и дорогу протопчем, — отвечает Ида Сергеевна.

— А вдруг зверь, волк, например?.. — сказал кто-то и вздохнул.

— Мы песню запоем. Всех волков распугаем. Потом с нами Терешка.

— А если устанем?

— Сядем на берег, ноги свесим и отдохнем, — улыбается вожатая.

И ребята заулыбались, запели песню и пошли к сухому дереву.

Терешка сначала впереди бежал, потом давай по траве носиться, мышей-полевок гон-ять. Ваня Иванов, когда в путь-дорогу тронулись, весело чемоданчиком размахивал, а тут уставать начал, на плечо чемоданчик поставил. Сева сперва лихо барабанил, теперь сбиваться стал, сдвинул барабан за спину и говорит:

— По Дороге, понимаешь, легче идти, чем без дороги, правда?

— Правда, — отвечает Петя. — И по дороге легче и по косе легче, а по траве тяжелей, это ты здорово заметил.

— Сам додумался, — отозвался Сева.

Шагает отряд, а сухое дерево как будто все дальше отодвигается.

Высоко поднялось солнце, печет, как в Африке. От травы и то жар идет. Вот когда на солнце облако набежит — прохладней становится. Следят следопыты за другим берегом Морошки. Радуются, когда на нем темнеет трава. Это значит — легла на нее тень от облака, сейчас она скользнет по реке и накроет отряд. И верно, бежит тень по воде, вот она уже на этом берегу. Ух, хорошо, можно панамки снять. Только быстро проплывают облака — и опять зной.

Много раз запинались ребята о кочки и корни, падали и по очереди и без очереди, а кто и нарочно, два раза отдыхали, а все-таки дошли до сухого тополя. Стали смотреть по реке — не видно плота, не видно Борисова и Киле. Приуныл отряд.

— Ну что ж, мои отважные следопыты, — говорит Ида Сергеевна. — Доставайте свои завтраки, кушайте, отдыхайте — и в лагерь пойдём. Теперь мы дорогу протоптали, быстро вернемся. А за Костей и Павликом на лодке придется плыть, так их не догонишь.

Ребята достали из пакетов бутерброды и другую еду, которой их снабдила повариха тетя Настя, усе-

лись в кружок и едят дружной компанией, а Ваня в сторону отошел. Дело понятное: пирожки, что Ваня с собой прихватил, он, несмотря на грустные мысли и всякие переживания, еще дорогой съел и не заметил как. Подкрепляются и мальчики и девочки, а про Ваню как-то забыли. И съели бы так все, да только видят, Рая Тузйкова скучная сидит, теребит свою косу и все в сторону поглядывает. Чего бы ей оборачиваться? Посмотрели туда и видят: сидит одиноко Ваня Иванов и травинку грызет. Как же не позвать товарища? Позвали Ваню и отдали ему все, что осталось, — остатки сладки.

Глава третья

*Находка на берегу. «Бор-Бос» поднимает паруса.
Фрегат не слушается руля. Земля!*

Наконец-то выполнено задание. Павлик выложил на песке стрелку из разноцветных камушков, а самые красивые спрятал в карман, для малышей из шестого отряда. Костя отсчитал пятьдесят шагов и повесил в зарослях калины вымпел.

— Павлик! — крикнул он. — Видно тебе вымпел?

— Ничего не видать.

— Не видать — и хорошо. Теперь лови своих карасей!

Обрадованный Павлик поскорее, пока Костя не передумал, стал доставать из вещевого мешка, набитого, как портфель у первоклассника, всякими полезными предметами, баночку с червями и закидушки. «У косы клевать не будет, — думал он, — отойду дальше и там брошу».

Только порыбачить Павлику не пришлось. Начальник экспедиции действительно передумал. По-

весив вымпел, он заскучал. Столько прошли — и никакого приключения. Другим путешественникам везет. Отойдут-они от оазиса, а тут самум — песчаная буря — загудит, занесет песком верблюдов — одни горбы торчат. Или где-нибудь в степи окружают путника волки, глазищи горят. Десять волков, двадцать волков — только знай отстреливайся! А некоторые счастливые люди шагают по леднику, вдруг — бац — снежный обвал. Красота!

Взгляд Кости лениво скользнул по берегу, и вдруг он заорал:

-Фрегат, Павлик! Фрегат! Ура!

Подскачив, Костя кинулся к реке.

Конечно, никакого фрегата нигде поблизости не было. Да и откуда ему взяться на Морошке? Зато у кустов тальника к берегу прибило плот — два толстых бревна, прочно соединенных перекладинами и скобами. Видно, этот сплоток оторвало наводнением где-то от бона, которыми сплавщики перегораживают протоки, чтобы туда не заносило лес при сплаве.

У Киле находка не вызвала особого восторга. Он пнул ногой бревно и сказал:

— Два бревна. А где фрегат?

— Да вот он, фрегат. Сейчас мы его оснастим. Срубим мачту, натянем парус и поплывем... Куда же мы поплывем?.. Поплывем на остров!

— Слушай, Костя, — поскучев, произнес Павлик, — ты же разрешил рыбу половить. Ты еще дорогой обещал: как повесим вымпел — будешь рыбачить.

Но Борисов уже загорелся новой идеей.

— Это кто тебе сказал, что я окончательно повесил вымпел? Я только примерил его, хорошо ли ему будет здесь висеть. Теперь вижу, висеть ему здесь плохо. Мы отвезем вымпел на остров и там его водрузим. От этого игра еще интереснее станет. Ребята поплывут через Морошку и начнут тонуть.

А мы их будем спасать. Как аргонавты в старину. Ты слышал про аргонавтов? Они, может быть, тоже кого-нибудь спасали.

Киле про аргонавтов ничего не знал, но сразу понял, что рыбалка отменяется. А ведь он только ради того, чтобы порыбачить на новом месте, и проился в поход.

— Я уже червей наживил, — еще надеясь, что Костя уступит, сказал он. — Я хотел ребят косатками угостить.

— И угостишь! Переплывем и рыбачь. Это я тебе обещаю. Честное слово землепроходца!

Павлик недоверчиво посмотрел на товарища, а Костя продолжал:

— Да ты знаешь, как на острове клевать будет! Эх ты! Да там такие сомищи, как поросята!

Последние слова немного ободрили рыболова, и он стал помогать Косте. Вдвоем друзья пригнули к земле тополек, Борисов вырезал из него ровную палку для мачты, привязал к ней вымпел, а пониже — перекладину и воткнул мачту между бревен. Павлик отыскал на берегу шестик. Стрелку, выложенную Павликом, повернули в обратную сторону. Теперь она показывала на остров. Борисов выкопал из песка пакет, зачеркнул в нем приказ: «Отряд дошел до цели. Отсчитайте пятьдесят шагов в сторону, указанную стрелкой, и найдите вымпел». Вместо этого он собственноручно начертил: «Ищите вымпел на острове. Костя. Павлик».

— Грузи вещи. Фрегат уходит в плавание!

Но «фрегат» не хотел отплывать. Концы бревен завязли в прибрежной тине, их пришлось раскачивать и поддевать шестом.

— Раз, два, взяли! — надрывался Костя.

— Бор-бос, бор-бос! — налегая на шест, восклицал Павлик.

— Еще, взяли! — толкал Костя.

— Бор-бос! — вторил Павлик.

Плот не двигался с места. Начальник экспедиции начал сердиться.

— Да ты нажимай сильнее! — кричал он.

— Я и так давлю, как трактор, — оправдывался Павлик.

И опять послышалось:

— Раз, два, взяли!

Когда плот все-таки немного сдвинулся, мальчики сели отдохнуть.

— Павлик, — спросил Костя, — это ты по-наибольшему говорил «бор-бос»?

Киле кивнул.

— А что это значит?

— Ничего не значит.

— Как ничего? Зачем же ты говорил?

— Для красоты. Это как припев, понимаешь?

И Павлик запел:

Эх, лингданданя,
В омуте темном сом
Щелкает ртом.

— «Лингданданя» тоже ничего не обозначает. Это для красоты.

— А, — удивился Костя. — Ну, давай снова толкать...

Наконец плоту надоело мучать мальчишек, и он пополз по мокрой глине и закачался на волнах. Путешественники забрались на бревна. Костя подобрал шест.

— Полный вперед! — крикнул он и стал отталкиваться.

Плот заскользил по воде и, описав дугу, ткнулся в берег.

— Ничего, поплывем кормой вперед, — сказал Борисов. — Он повернулся и снова оттолкнулся шестом.

Но и на этот раз плот, порыскав из стороны в сторону, описал полукруг и боднул берег.

— Вот тебе и «бор-бос», — огорчился Костя. — Фрегат не слушается руля.

— Дай-ка я. Я умею. — Киле взялся за шест, уперся в дно, и плот направился на середину реки.

— Так держать! — командовал начальник экспедиции..

Киле умело управлялся с шестом, и неуклюжий плот уходил все дальше и дальше от берега.

— Курс на остров! — радовался Костя. — Ты молодец, Павлик, я назначаю тебя баталером!

— А что такое «баталер»? — поинтересовался Киле. — Это красивое слово тоже ничего не обозначает, как «бор-бос», да?

Борисов задумался. «Баталер, баталер...» Где-то он читал про баталера, но сейчас забыл. Чтобы не показать своего замешательства, он ответил:

— Интересно, чему вас учили в четвертом классе? Это такой морской командир, понятно? Держи правей!

Чем дальше уходил плот от берега, тем сильнее становилось течение. Песчаная отмель кончилась, и Павлик нагибался, чтобы достать дно.

Теперь Костя кричал:

— Держи левее! Левее, а то мимо острова пронесет!

Павлик старался изо всех сил. Он побаивался, что Костя лишит его такой красивой должности, как баталер, но шест уже почти не доставал до дна. Течение проносило плот мимо острова.

— Левее! — орал Костя.

— Чего ты кричишь? Я тоже баталер, — сказал Павлик. — Видишь, здесь глубоко. — Он изо всех сил погрузил шест и... выпустил его из рук.

Испуганный баталер взглянул на своего капитана, но Костю происшествие даже обрадовало.

— Ур-ра! Теперь у нас настоящее судно. Сейчас подыдем парус!

Костя стянул футболку, надел ее рукавами на

перекладину мачты, отступил на шаг и объявил:

— Вот и парусное оснащение. Годится, а?

Но футболка трепыхалась от попутного ветерка, как будто она не парус, а простая тряпка. Тогда капитан выпросил у баталера кусок лески и привязал к подолу футболки две оттяжки. Футболка запарусила и теперь вполне удовлетворяла Борисова. Может быть, кое-кто принял бы Костин парус за то нехитрое сооружение, которое устанавливают на огородах, чтобы отпугивать воробьев, но что касается Кости, то он остался доволен.

— Название, — озабоченно сказал он. — Надо придумать нашему фрегату название.

— «Таймень», — подсказал Павлик. — Один катер так называется, и рыба такая есть.

Костя отмахнулся:

— Ты бы еще сказал «Пескарь» — тоже ведь рыба. — Надо придумать что-нибудь красивое.

— Может, «Баталер»? — опять подсказал Киле. — Очень хорошее слово.

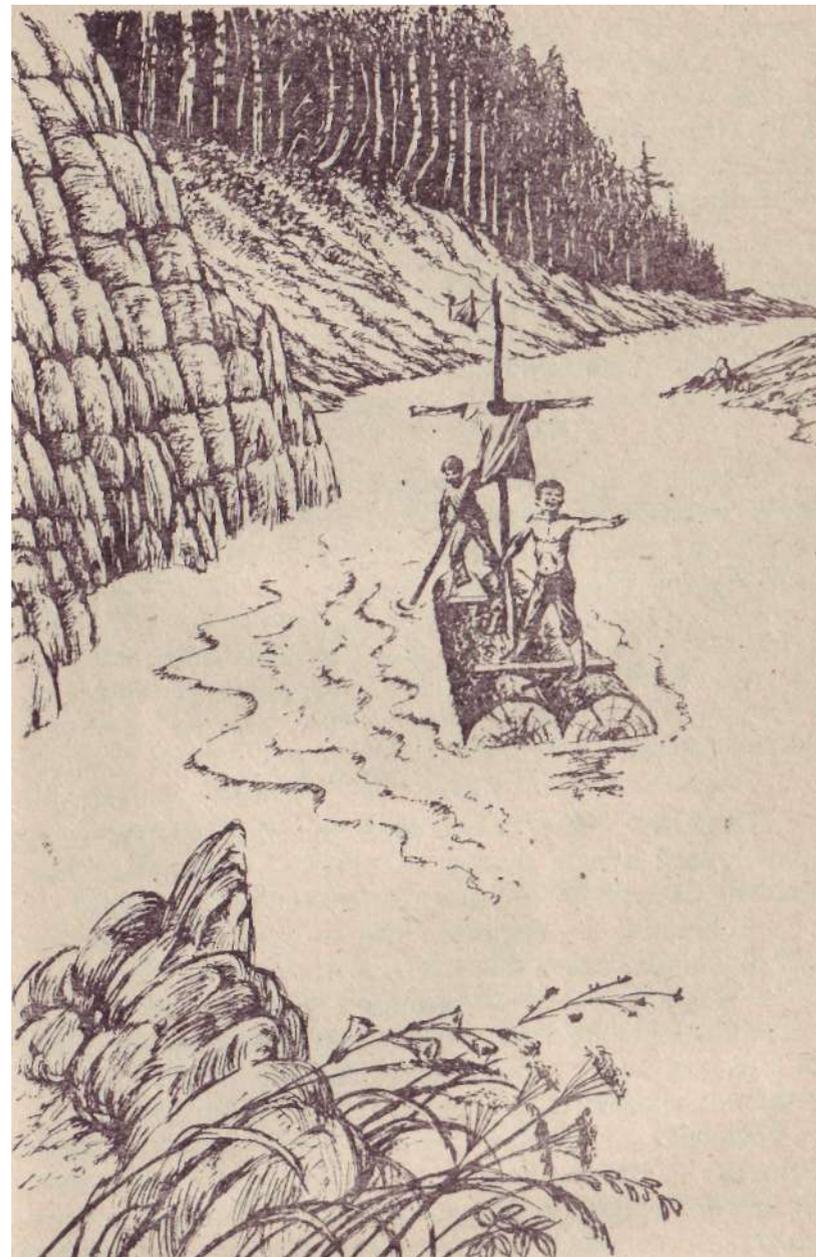
— Постой, постой, — встрепенулся капитан. — Как ты говорил на берегу: «бор-бор», что ли?

— Нет, — обиделся Павлик. — Почему ты не запомнил? Я же не забыл, что ты говорил: «Раз, два, взяли!», а я «бор-бос».

— Правильно. Так и назовем фрегат: «Бор-Бос». Непонятно и красиво.

Пока шло это очень важное для истории мореплавания совещание, фрегат «Бор-Бос», с парусным оснащением, не приписанный пока еще ни к какому порту, продолжал свое первое плавание. За кормой остался остров, слева и справа бежали зеленые берега Морошки, а прямо по носу вдалеке маячило сухое дерево.

Что ни говорите, а это было уже настоящее приключение. И Костя запел свою любимую песню. Ее, бывало, он распевал с папой, когда они путешествовали по карте.

Происходило такое путешествие обычно в воскресенье. Папа развешивал на столе карту мира. Потом Костя и папа поднимались на борт доброго быстроходного парусника и отплывали куда-нибудь на Соломоновы острова или остров Целебес. За кормой рыскали акулы, на горизонте кувыркались дельфины, а они, отмахиваясь от летающих рыб, пели:

Под волною осьминог
Растопырил восемь ног.
Над волнами альбатрос, альбатрос.
Нас обходит стороной
Крепкий ветер штормовой.
У штурвала не зевай, матрос!

Бывало, конечно, парусник попадал в шторм или в мертвый штиль, когда паруса обвисали, хоть сам дуй на них, но Костя и папа не унывали и дружно напевали свою бодрую песню:

В самых теплых морях
Нам бросать якоря.
От жары пусть облупится нос.
Не страшна нам жара,
Мореходам — ура!
У штурвала не зевай, матрос!

Капитан «Бор-Боса» пел бы и дальше — про коралловый атолл и про веселых коричневых папуасов, но баталеру плавание начало надоедать.

— Костя, — спросил он, — а как мы пристанем? В лагерь пора. Нам и так попадет,

— Пристанем, — заверил Костя, — со мной не пропадешь. Жалко только, что никто не видит, как мы плывем. А еще бы лучше, если бы Петя Азбукин нас сфотографировал. Эх, был бы кадрик!

Экипаж «Бор-Боса» улегся на теплые бревна. Капитан — вперед головой, чтобы сразу увидеть необитаемый остров или дикарей, если они покажутся, баталер — головой назад, в ту сторону, где остался лагерь и рыбная протока Утиная, Хотя ему и нрави-

лось быть баталером, но в лагере все-таки веселее.

Плот не спешил, плыл потихоньку. Куда ему торопиться? Делать было нечего, и Павлик рассматривал отраженного в воде мальчишку. Мальчик этот Павлику нравился. Волосы черные, подстриженные «чубчиком», — такая уж мода в лагере; глаза узкие и в меру хитрые, ишь, как щурятся; лицо круглое и добродушное. Красивый парень...

Прошло с полчаса, а «Бор-Бос» и не собирался приставать; он, как нарочно, шел по середине реки. Вот уже миновали сухое дерево, что стояло на кривуне. Теперь к самым берегам подступал густой лес.

— Куда мы плывем? — поинтересовался Павлик.

— Сейчас определимся...

Костя достал карту и компас. И опять компас накрыл весь Хабаровский край, часть Приморья, четверть Якутии, всю Амурскую область и кусочек Кореи. Где-то там, под компасом, должна была находиться река Морошка, а на ней точка, в которой в эту минуту находился фрегат «Бор-Бос». Но, как мы знаем, на Костиной карте места для Морошки не нашлось, на ней даже Амур казался таким маленьким, что его можно было закрыть мизинцем.

Поморщив лоб и подумав, Костя ответил:

— Плывем на юг.

Но это сообщение не удовлетворило Павлика.

— А что там, на юге?

— На юге? — капитан Костя отодвинул компас, полюбавшись на зеленую и коричневую краску, покрывавшую большую часть карты, и сказал: — Тайга. Дремучая тайга и горы.

— Зачем нам плыть в тайгу, не понимаю. — Павлик сел и посмотрел на Костю. — Что мы там будем делать?

— В тайге-то? Вот чудак, а еще нанаец! Охотиться!

Охотиться сейчас нельзя. Сейчас лето, звери

линяют, — возразил Павлик. — Да у нас и ружей нет.

— Первобытные предки тоже ружей не имели, — нашелся капитан, — а они, счастливчики, даже на мамонтов охотились. Давай лучше обе-дать.

Костя достал из рюкзака конфеты, их он берет специально для путешествия с того дня, когда на открытие лагеря приезжал папа. Кроме конфет, у него в качестве неприкосновенного запаса имелась еще пачка печенья. Все современные путешественники имеют неприкосновенный запас. Павлик извлек из своего рюкзака кусок вареной баранины, два огурца, добрый ломоть хлеба и четыре пирожка. Два пирожка он оставил с ужина, а еще два выпросил у поварихи тети Насти.

Весь экипаж «Бор-Боса» любил сладости, но на этот раз ребята даже не притронулись к конфетам и печенью. Зато пирожкам, огурцам и мясу оказали такое внимание, что от них остались только крошки. Их Костя смел в воду на радость любопытному чебаку, который уже давно кружился вокруг плота.

Позавтракав и сразу пообедав, команда фрегата похлебала воды из Морошки и опять улеглась на палубе.

— Костя, ты совсем поспел, — взглянув на спину капитана, сказал Павлик.

— Как это — поспел? — не понял Костя.

— Ты красный, как помидор. Очень сильно загорел.

Костя действительно стал весь красный, на розовом лице выделялись только веснушки и белые брови. Капитан потрогал плечи и руки и торопливо отвязал футболку. Фрегат лишился паруса, теперь на его мачте трепыхался только вымпел.

Через некоторое время Костя почувствовал, что спина и плечи нестерпимо горят. Казалось, что от

солнца не защищает и футболка. А фрегат плыл и плыл в неизвестном для капитана направлении.

Отличная возможность попасть в дремучую тайгу все меньше нравилась Борисову. А потом и совсем перестала нравиться. Он взглянул на Киле, который сидел, свесив ноги в воду, и вздохнул:

— Давай будем руками подгрести к берегу,

Павлик, ни слова не говоря, лег на бревно и начал грести ладошками. То же сделал и Костя.

Мореплаватели то и дело поглядывали да нос плота, не начал ли он поворачивать, а плот плыл себе вперед, не обращая внимания на усилия своей команды.

— Хоть бы проехал кто, — произнес Костя. — Да только зачем здесь порядочным людям плавать, чего они в тайге не видели? Это ты виноват, не мог меня отговорить...

Павлик промолчал, но грести бросил. Костя совсем приуныл. Ему уже не хотелось приключений. Вообще об этих приключениях приятнее читать в книжках, чем испытывать их самому.

— Я, наверное, порыбачу, — вдруг оживился Киле. Через несколько минут он уже забросил леску в воду.

Про реку Морошку даже в газетах писали, что она кишмя кишит рыбой. Может быть, это так, но сейчас почему-то рыба не клевала. То ли потому, что солнце стояло еще высоко, а рыба лучше ловится утром и вечером, то ли потому, что в этот день Павлику вообще не везло.

Наш знакомый любопытный чебак, если бы был голодный, может быть, и проглотил бы крючок с червяком, но он вдоволь наелся крошек и теперь спокойно плыл в тени плота, не обращая внимания на приманку.

Рыболов сидел, изредка подергивая леску, до тех пор, пока у него не зарябило в глазах, но не поймал даже синявки. Борисов ковырял перочин-

ным ножичком бревно, а фрегат, даже без паруса, бежал в неведомые дали.

Смотав удочку, Павлик вдруг заметил, что левый берег стал ближе.

— Смотри! — обрадованно воскликнул он, — нас несет к берегу!

Костя крикнул что-то непонятное, но радостное. Берег действительно приближался. Правда, это был левый берег, а лагерь стоял на правом, но путешественники обрадовались и этому: неважно, правый или левый — лишь бы твердая земля.

Теперь все зависело от «Бор-Боса», вернее от течения. Оно ведь могло потянуть плот на середину реки. Команда фрегата растянулась на палубе и заработала руками, помогая течению.

— Эх, весло бы, — сказал Павлик, — или бы шестик...

— Гребь, гребь, — командовал Костя, к которому опять вернулась бодрость. — Лево на борт!

Но Павлик перестал грести. Он смотрел на мачту.

— Ур-ра! — вдруг воскликнул он и, подскочив к мачте, выдернул ее. — Вот и руль! Теперь мы пристанем.

С шестом дело пошло лучше. Павлик, загребая им, подводил плот к берегу.

Когда плот был уже метрах в десяти от желанной земли, его отбросило немного течение какой-то бурной протоки или речушки, впадавшей в Морошку. Но плотик миновал устье этой речушки и опять стал приближаться к заветному берегу. Киле изо всех сил греб шестом. Костя лежал на животе, загребал рукой и приговаривал:

— Ну «Бор-Боска», ну хороший, давай приставай.

И вот плот заскользил вдоль обрывистого берега. Здесь негде было причалить, но Павлик уже доставал шестиком дно. Теперь-то он не позволит пло-

ту уплыть на середину, что бы ни приказывал капитан.

Метров через сто показался заливчик. Павлик направил в него плот и, выбрав место, пристал к берегу.

— Земля! — закричал Костя.

— Земля! — закричал Павлик.

Подхватив свои рюкзаки, путешественники соскочили на берег.

От радости Павлик затрубил в горн, а Борисов оттолкнул ногой плот.

— Прощай, «Бор-Бос», — сказал он, скрестив руки (так со скрещенными руками изображен в одной книге путешественник Арсеньев). — Если бы к тебе приделать руль, да мотор, да поставить сверху хоть маленькую каютку, чтобы иногда укрываться от солнца, ты был бы хорошим кораблем. Прощай, «Бор-Боска».

— Я что, больше не баталер? — забеспокоился Павлик.

Костя немного подумал и сказал:

— Ну его, это море. Теперь мы будем первобытными людьми. Правда, здорово? Мы станем пробираться в свое племя, как ульмары Нао, Гав и Нам. Ты читал «Борьбу за огонь»?

— Может, лучше мы будем пробираться в свой пионерский лагерь? Там же, наверное, нас ругают.

— Чудак ты, — снисходительно улыбнулся Костя. — Конечно, пойдем в лагерь, только будем считать, что пробираемся в свое племя. Так же интереснее. Как ты не понимаешь! Я буду сын Леопарда Нао, а ты — Гав. Нет, лучше я буду Ко, а ты Па.

— А почему это Па? Баталер — красивее.

— Ну, Па — все равно, что Павлик, только сокращенно. Первобытным людям некогда было выговаривать длинные слова. А я — Ко — значит, Костя. Понял?

ным ножичком бревно, а фрегат, даже без паруса, бежал в неведомые дали.

Смотав удочку, Павлик вдруг заметил, что левый берег стал ближе.

— Смотри! — обрадованно воскликнул он, — нас несет к берегу!

Костя крикнул что-то непонятное, но радостное. Берег действительно приближался. Правда, это был левый берег, а лагерь стоял на правом, но путешественники обрадовались и этому: неважно, правый или левый — лишь бы твердая земля.

Теперь все зависело от «Бор-Боса», вернее от течения. Оно ведь могло потянуть плот на середину реки. Команда фрегата растянулась на палубе и работала руками, помогая течению.

— Эх, весло бы, — сказал Павлик, — или бы шестик...

— Греби, греби, — командовал Костя, к которому опять вернулась бодрость. — Лево на борт!

Но Павлик перестал грести. Он смотрел на мачту.

— Ур-ра! — вдруг воскликнул он и, подскочив к мачте, выдернул ее. — Вот и руль! Теперь мы пристанем.

С шестом дело пошло лучше. Павлик, загребая им, подводил плот к берегу.

Когда плот был уже метрах в десяти от желанной земли, его отбросило немного течение какой-то бурной протоки или речушки, впадавшей в Морошку. Но плотик миновал устье этой речушки и опять стал приближаться к заветному берегу. Киле изо всех сил греб шестом. Костя лежал на животе, загребал рукой и приговаривал:

— Ну «Бор-Боска», ну хороший, давай приставай.

И вот плот заскользил вдоль обрывистого берега. Здесь негде было причалить, но Павлик уже доставал шестиком дно. Теперь-то он не позволит пло-

ту уплыть на середину, что бы ни приказывал капитан.

Метров через сто показался заливчик. Павлик направил в него плот и, выбрав место, пристал к берегу.

— Земля! — закричал Костя.

— Земля! — закричал Павлик.

Подхватив свои рюкзаки, путешественники соскочили на берег.

От радости Павлик затрубил в горн, а Борисов оттолкнул ногой плот.

— Прощай, «Бор-Бос», — сказал он, скрестив руки (так со скрещенными руками изображен в одной книге путешественник Арсеньев). — Если бы к тебе приделать руль, да мотор, да поставить сверху хоть маленькую каютку, чтобы иногда укрываться от солнца, ты был бы хорошим кораблем. Прощай, «Бор-Боска».

— Я что, больше не баталер? — забеспокоился Павлик.

Костя немного подумал и сказал:

— Ну его, это море. Теперь мы будем первобытными людьми. Правда, здорово? Мы станем пробираться в свое племя, как ульмары Нао, Гав и Нам. Ты читал «Борьбу за огонь»?

— Может, лучше мы будем пробираться в свой пионерский лагерь? Там же, наверное, нас ругают.

— Чудак ты, — снисходительно улыбнулся Костя. — Конечно, пойдем в лагерь, только будем считать, что пробираемся в свое племя. Так же интереснее. Как ты не понимаешь! Я буду сын Леопарда Нао, а ты — Гав. Нет, лучше я буду Ко, а ты Па.

— А почему это Па? Баталер — красивее.

— Ну, Па — все равно, что Павлик, только сокращенно. Первобытным людям некогда было выговаривать длинные слова. А я — Ко — значит, Костя. Понял?

— Понял, — ответил Павлик. — Ладно, первобытными так первобытными...

И. первобытные люди Ко и Па, надев рюкзаки, зашагали к берегу Морошки, чтобы вернуться в свое племя, вождем которого, наверное, была Ида Сергеевна.

План Борисов придумал простой: дойти по берегу до того места, где в Морошку впадает протока Утиная, и там всю трубить в горн. Вот и горн пригодится, не зря таскали.

В лагере их, конечно, уже ищут. Кто-нибудь окажется на берегу, услышит сигнал бедствия и пришлет лодку. Зато потом они хорошенько поужинают. Надо только тете Насте сказать, что совсем нет аппетита. Тетя Настя сразу натащит всяких вкусных вещей. Все ребята знают эту слабость своего повара. Она ничего не пожалеет, чтобы вернуть человеку пропавший аппетит.

Костя даже представил, как тетя Настя, всегда такая чистенькая и румяная, стоит рядом в накрахмаленной белой косынке и, спрятав руки под белый фартук, счастливо улыбается. Словно это не она кормит, а ее угощают. Ей всегда приятно видеть, как потерянный аппетит очень быстро возвращается к ее сорванцам.

Самое же главное начнется, когда Никита просигналил отбой и прибежит, запыхавшись, со своим горном. Ребята улягутся и начнут расспрашивать Костю, где это он странствовал? «Только не перебивать!» — предупредит Костя и начнет рассказывать о своих приключениях, о том, как они с Павликом боролись с бешеным речным течением. Тут уж зевать некогда. Зазевался — беда. А потом, — скажет он, — мы попали в каменный век. Стали первобытными людьми! Об этом тоже можно здорово рассказать!

Ох, наверное, и весело жилось этим самым первобытным предкам!

*Опять в лагере. Мотор деда Антипа.
На острове и в Краснокуровке. Никита, ау!*

Первым вернулся в лагерь Терешка. Когда подошло время обеда и ребята еще у сухого дерева на берегу развернули еду, Терешка очень удивился. Удивился он тому, что пионеры ели, а тети Насти не было. Еда и тетя Настя для Терешки были чем-то единым, как, например, Никита — и звук горна, Павлик — и запах рыбы, Семен Петрович — и велосипед. Он не мог представить обед без тети Насти, потому что только она кормила его в лагере. Побегав и поскулив, Терешка прижал уши и припустил в лагерь.

Когда он, запыхавшийся, примчался к своей будке, возле нее стояла миска с восхитительно пахнущей похлебкой, а на газете лежала куча превосходных костей. Пес радостно взвизгнул и принялся грызть кости — похлебку он оставил на второе.

Часа через два уныло приплелся первый отряд, и сразу началась суматоха.

Физкультурник Семен Петрович оседлал велосипед, попробовал звонок — звонок работал, и Петрович второй раз в этот день покатыл в колхоз «Рыбак» — просить лодку, чтобы искать Борисова и Киле.

Начальник лагеря закрылся в своем кабинете с Ваней Конденсатором, чтобы, как предположил Никита, который все еще скакал на одной ноге, «побеседовать по душам».

Первый отряд отправился обедать. Остывший борщ всем показался очень вкусным.

Вожатая шестого отряда Аня, как насадка, ходила вокруг корпуса, где после обеда спали ее пи-

томцы. Она боялась, что шестой отряд, услышав шум, проснется и захочет идти разыскивать пропавших путешественников. А ведь малышей не отговоришь. Не поведешь же их второй раз на медицинский осмотр.

Когда наконец вернулся Семен Петрович, Аня побежала к начальнику лагеря, чтобы предупредить его, что она отложила своему отряду подъем. Пусть лучше спят, а то опять взбунтуются.

Вскоре на Утиной протоке затарахтел мотор, и возле лагеря остановилась лодка, которой управлял дедушка Антип. Моторную лодку деда Антипа колхозные ребята дразнили: «Трах-трах-трах! Пшик-пшик!» Мотор на лодке стоял такой старый, что даже самый лучший ученый ни за что бы не узнал, в каком году он выпущен.

Наверное, это был прадедушка всех моторов.

Характером он обладал скверным (мотор, конечно, а не дед), он никак не хотел заводиться. Когда дед крутил ручку, мотор делал вид, что подчиняется, и тарарахтел, но как только дед разгнулся, мотор громко чихал на все и останавливался.

Однако дед Антип считался упрямым дедом и говорил:

— Ничего, повоюем до победного конца! — и снова крутил ручку.

Помучив как следует деда, мотор в конце концов заводился, и тогда его невозможно было остановить. Однако дед в таких случаях с ним не церемонился: он направлял лодку на берег, нос лодки выскакивал на сушу, а дед выпускал бензин. Перехитрив таким образом мотор, дед шел домой нести службу колхозного сторожа.

Семен Петрович слышал кое-что о моторе деда Антипа, но все колхозные лодки ушли на рыбалку, выбирать было не из чего, время не ждало, и он уговорил деда ехать разыскивать ребят.

Через несколько минут в лодке сидели Семен

Петрович, врач Май Петрович и Никита. Никиту взяли для того, чтобы он дорогой подавал сигналы.

Так как дед на этот раз мотор не останавливал, лодка лихо развернулась и скоро тарахтела где-то за тальниками.

День клонился к вечеру, и в кустарниках на берегах Утиной протоки свистели, щелкали и заливались на все голоса птицы. Когда моторка проезжала мимо, они на минуту смолкали, а потом разом продолжали свой концерт.

Вскоре лодка вылетела на быстрое течение Морошки. Упругая волна накатилась на косу и оставила после себя темный след.

Хотя Ваня Конденсатор и говорил, что видел, как плот поворачивал за кривун, Семен Петрович решил сначала осмотреть остров. Наконец-то Никите дали возможность показать, на что он способен. Пока лодка объезжала вокруг островка, Никитка трубил во всю мочь. Потом дед Антип выбрал пологий берег и направил на него нос своего суденышка. Мотор, как вы знаете, добровольно не останавливался и тарахтел, пока взрослые, оставив Никиту в лодке, обшаривали кусты.

На острове ни Кости, ни Павлика не оказалось, и лодка помчалась дальше. Никита время от времени поднимал горн и подавал сигналы. Семен Петрович и Май Петрович смотрели один на левый, другой на правый берег. Мотор исправно стучал, и дед, довольный, посматривал на своих пассажиров.

Миновали кривун с сухим деревом, проехали бурную речушку, впадавшую в Морошку, Май Петрович в третий раз осмотрел сумку с йодом, бинтами, градусником, касторкой, ватой, рыбьим жиром и другими вещами, необходимыми для оказания первой помощи, а плота и мальчишек нигде не было.

— Чего там, — успокаивал дед Антип, — дальше Краснокуровка не уплывут. Большое село, там их заметят.

— Как бы не свалились с плота, — беспокоился Май Петрович и вопросительно смотрел на деда Антипа.

— Не должны бы, — рассуждал дед, однако спрашивал: — А плавать они умеют?

— Умеют, — вставлял свое слово в разговор старших Никитка. — А плыть на плоту — это Костя придумал, я его знаю...

В Краснокуровку приехали под вечер. Антип, как всегда, выбрал берег пониже и крикнул: «Держись!», но мотор, к его удивлению, остановился, и лодка мягко ткнулась в песок.

Посторонний человек по наивности решил бы, что здесь все в полном порядке: лодка причаливает к берегу, и мотор выключили. Но так мог подумать только человек, не знавший норова дедушкиного мотора. Сам дед этим происшествием был серьезно озадачен. Он покрутил заводную ручку, повернул краник, снял какую-то крышку и обнаружил, что кончился бензин.

— Шабаш, — произнес дед Антип. — Плавание окончено.

Краснокуровка взбегала своими улочками и огородами на пологую сопку. Где-то наверху проходила главная улица со школой, сельским Советом и магазином. «Сельпо». Туда и направились оба Петровича, чтобы разузнать, не слышали ли здесь про великих путешественников Костю Борисова и Павлика Киле. Потому что люди, которые собираются у «Сельпо», обычно все знают. Дед Антип взял бачок для бензина и пошел вдоль берега, мимо катеров, барлс и перевернутых лодок. Он решил навесить своего дружка-приятеля Егорыча и занять у него горючего для мотора.

Никита остался сторожить лодку. Он сидел и смотрел, как на середине реки мальчик и девочка рыбачат прямо с лодки. Лодка у них, наверное, стояла на якоре. Клевало у ребят хорошо. То один, то

другой дергал удочку и снимал с нее каких-то рыбин. Вдруг мальчик приподнялся и принялся вытягивать заброшенную к другому берегу закидушку. Девочка вскочила и схватила сачок. Оба они склонились над кормой, и вот девочка завизжала и вытянула из воды сачок с большой белой рыбиной.

— Сазан! — звонко, на всю округу сообщила она.

Мальчик вытянул за веревку камень, который вместо якоря держал лодку на месте, и сел за весла, как будто именно этого сазана они и собирались поймать, а теперь, раз дело сделано, можно возвращаться домой.

Лодка причалила неподалеку от Никиты, и он разглядел, что оба удачливых рыбака — девочки, только одна, что повыше ростом, была в кепке и шароварах. Рыболовы уложили карасей в сетку, а сазана понесли в сачке. При этом они ни разу не взглянули на Никиту, как будто каждый день видели известных пионерских общественников и горнистов.

Никитка слез с моторки и стал швырять камушки в воду. Сначала он бросал «на рекорд» — кто забросит дальше. Так они состязались иногда с Костей Борисовым. Но так как сейчас Никита соревновался сам с собой, то он же и вышел победителем. Потом Никита принялся «печь блины» — бросать так, чтобы камушки отскакивали от воды. Дело это не простое, не всякому дается, и Никита больше трех «блинов» испечь не смог.

Вот уже наступил и вечер, через огороды в деревне переругивались собаки, а никто из взрослых не подошел. Зато подошли две коровы. Одна из них напилась и улеглась на песочке. Вторая, хлебнув воды, уставилась на Никиту и начала что-то жевать.

Горнист Никита — человек городской и до этого вечера, никаких дел с коровами не имел. Снача-

ла он с любопытством смотрел на корову и гадал, где же она достала жевательную резинку, а та, не переставая жевать, смотрела на него. Потом Никита замахнулся на корову горном, та мотнула головой и опять уставилась на мальчишку. Никите это не понравилось, он пересел подальше, а корова не сводила с него глаз и жевала. Тогда Никита закричал:

— Пошла! Иди отсюда!

Корова шлепнула хвостом по спине и продолжала жевать и разглядывать печальными глазами Никиту. Обеспокоенный Никита решил затрубить в горн, может быть, услышат Семен Петрович или Май Петрович и придут на помощь.

Как только Никита, набрав побольше воздуха, затрубил, корова взбрыкнула задними ногами, задрала хвост и кинулась вверх по дороге; за ней легкой рысцей пустилась ее подруга, до этого нежившаяся на песке. Отважный горнист успокоился, а вскоре вернулись физкультурник и врач.

Никто из краснокуровских жителей никакого плота на реке не видел, и никакие чужие мальчишки в течение дня в деревне не появлялись. На всякий случай председатель Краснокуровского сельсовета позвонил в деревни и леспромхозы вниз и вверх по реке и сообщил о пропавших пионерах. С Семеном Петровичем он договорился, что, если к утру ребята не вернутся в лагерь, он поможет в поисках. Пионеры пойдут по одному берегу Морошки, а охотники из Краснокуровки — по другому.

Солнце давно село за дальние горы. Пора было возвращаться в лагерь, а дед Антип все не приходил. Что-то уж больно долго договаривался он с Егорычем о бензине. Семен Петрович и Май Петрович подождали немного и в сумерках пошли разыскивать дом деда Егора.

Никитка опять остался один. Река теперь потемнела и угрюмо плескалась о борта лодки. На

горе в деревне играла гармошка. Помигивая огоньками, прошел катер в сторону лагеря. Он уже скрылся, а волны от него все накатывались на берег и раскачивали лодку и на ней лагерного горниста. Никитке было неуютно и тревожно сидеть одному на пустынном берегу.

Петровичи долго блуждали по Краснокуровке, запинались о камни, пока наконец не встретили бабку, и уж она-то показала им дорогу.

К дому Егорыча вели ступеньки, вырубленные в земле.

Пока физкультурник и врач поднимались по ним, они слышали, что в избушке кто-то громко разговаривает, только и слышалось: «А ты помнишь!», «Нет, а вот ты помнишь!»

Дверь оказалась распахнутой настежь, и, заглянув в нее, Петровичи увидели деда Антипа и Егорыча. Друзья сидели друг против друга за столом, подливали себе чай из старинного самовара и оживленно беседовали, размахивая руками. Физкультурника и врача они встретили как самых лучших, самых близких и желанных гостей. Егорыч тотчас усадил их, одного по правую, другого по левую руку от себя и принялся потчевать медом из большой деревянной миски. Тут же выяснилось, что Егорыч — пасечник, что он уже, почитай, недели три не видел своего школьного товарища и партизанского друга деда Антипа. Он сразу же даст бензина, только пусть молодые люди и Антип послушают его повесть, которую он пишет уже пятый год.

Услышав о повести, Антип сразу стал разыскивать фуражку и прощаться.

— Ладно, Егорыч, будь здоров, — торопливо сказал он. — Там нас на лодке малец ждет. Продрог небось... Неси-ка поскорей бензин.

Дорогой Антип жаловался:

— Беда с Егорычем. Дел на пасеке немного, так он который уже год повесть сочиняет. Хорошо

если бы про то, как мы партизанили, писал, а то про шпионов... Как приеду, так и читает. Я уже почти все наизусть выучил. Замучил вконец. А какой человек был...

— Козлов! — подходя к лодке, окликнул Май Петрович.

Никита не отозвался.

Петровичи встревожились — не хватало еще, чтобы и он потерялся.

Поставив бачок с бензином, Май Петрович обошел лодку, Семен Петрович заглянул под брезент, которым, уходя, накрыли мотор. Никиты не было.

— Побоялся, наверное, в темноте сидеть и пошел нас искать, — предположил Семен Петрович.

— Никита! Козлов!

— Никита, а-у! — закричали врач и физкультурник.

На их голоса сейчас же откликнулись большие и маленькие собаки во всех концах Краснокуровки. Когда их лай немного приутих, из-под соседней лодки выбрался лагерный горнист. Ожидая взрослых, Никита ругал про себя и Костю и Павлика, это из-за них приходится ему дрогнуть ночью в чужом селе, а они, наверное, сейчас уже спят в лагере, ругал заодно деда Антипа и жалел себя. Потом Никита захотел спать, а чтобы на него в темноте не наступили коровы, если они вернуться, он забрался под перевернутую лодку.

Мотор заводили долго и без всякой надежды на успех. Сначала ручку крутил Май Петрович, за ним Семен Петрович, потом, пока они отдыхали, Никита. Хозяин лодки говорил, что такого наказания, как этот мотор, не пожелает и своему самому большому врагу, если он у него будет. Несколько раз хотели бросить все и пойти ночевать к Егорычу, но дед Антип сразу вспоминал про повесть и отрицательно качал головой.

Неожиданно мотор завелся. Все повеселели и

как-то сразу заметили, что взошла луна, что ночь тихая и ясная.

— А ну-ка, горнист, давай отправление, — потребовал дед Антип.

Никита приосанился, поднес горн к губам и с ужасом обнаружил, что мундштука у горна нет. Это был третий мундштук, утерянный Никитой за время лагерной жизни. «Такой уж он невезучий человек», — сказали бы в лагере его друзья. Все решили, что мундштук где-нибудь под лодкой, под той, где Никита прятался от коров. Но мотор нетерпеливо тарахтел, и искать пропажу не стали. Пришлось отъезжать без сигнала отправления.

Скрылись огоньки Краснокуровки, над лодкой просвистела стайка куликов, потом с шумом пронесся табун уток, а у самого берега вывернулась и хлестнула хвостом по воде какая-то большая рыба. Потянул ветерок, и, подгоняя путников, над тайгой за Краснокуровкой запылали молнии..] Приближалась гроза.

«Хорошо, если мальчишки уже в лагере, а то достанется им в эту ночь», — подумал Май Петрович и потрогал сумку с лекарствами.

Никита тоже не завидовал приятелям. Сейчас он даже радовался, что порезал пятку и не пошел с Костей.

Глава пятая

Весело ли жилось первобытным людям?

Гроза. Таинственный огонек.

Кто кричал? Как печка ловила сомов

Где-то в небе летали космические корабли и спутники, а вдоль Морошки брели «первобытные люди».

Оказывается, нашим далеким предкам жилось не очень-то легко. Чуть не на каждом шагу их подстерегали неожиданные препятствия. Первым таким препятствием стала не широкая, но бурная речушка, впадавшая в Морошку.

Хорошо обыкновенному, ну, не первобытному человеку. Надо ему перебраться через реку — пожалуйста, он построит мост или сделает лодку. А как-то первобытному?! У него даже порядочного железного топора нет, а пилы — тем более. Один выход — плыви. А куда рюкзак денешь или лагерный горн? Да еще речка так стремительно несется, так бурлит и вода в ней такая холодная, что думать о плавании не хочется.

Постояли Ко и Па на берегу и задумались.

— Что делать будем? — растерянно спросил на чистом русском языке первобытный человек Ко.

— Пойдем вверх, может, где-нибудь она поуже станет, тогда переберемся, — отозвался Па.

Пошли первобытные люди. По дороге Па часто нагибался и рвал какие-то продолговатые зеленые листья. Когда у него набрался целый пучок, он затолкал его в свой первобытный вещевой мешок. В другом месте Па заметил поляну, усыпанную красными звездочками саранок. Не сказав ни слова, он побежал туда. Сын Леопарда рассердился и закричал:

— Ты что, цветов не видел? Не до цветов нам сейчас. Переправу искать надо, а он букетики собирает. Да и где ты видел, чтобы первобытный человек цветы нюхал?

Павлик действительно ни разу за свою жизнь не видел первобытного человека, нюхающего цветы. Несмотря на это, он ответил:

— Иди помогай!

Ко подошел и увидел, что Па вырвал из земли белые, похожие на дольки чеснока, корни саранок.

— Помогай, — повторил он.

— Зачем это?

— Мы же первобытные, — ответил Па. — Скоро надо будет ужинать, а у нас, кроме конфет и печенья, никаких витаминов, нет. А эти корешки вкусные.

Сын Леопарда недоверчиво выкопал один корешок, отломил дольку, повертел ее в руках и бросил.

— Еще отравимся, — сказал он.

— Не отравимся, — возразил Па, продолжая вырывать клубни.

Копать корни саранок Ко отказался. Вот если бы попался пещерный медведь, с ним можно было бы сразиться. А то корешки! Ко уселся на кочку, поджидая, когда его товарищ окончит свое пустое занятие. Но Па не спешил. Он набил клубеньками полные карманы, и только тогда путешественники побрели дальше.

Солнце уже начинало склоняться к закату, а так как первобытные люди тоже иногда любили поест, то неудивительно, что Ко и Па решили подкрепиться.

Ко достал кулек с конфетами и печеньем, Па вымыл в реке клубеньки саранок, и ребята уселись на берегу. Конфеты слиплись в один сплошной комок. Ко объявил, что это мясо бизона. Пока он разрезал его ножичком, откуда-то налетели пчелы.

— Могут ужалить, — справедливо решил важный Ко, — давай отойдем подальше. Здесь, наверное, их гнездо.

Он когда-то читал, что первобытные люди добывали мед диких пчел, но говорить об этом своему соплеменнику Па не стал. Этот Па сразу загорится и кинется искать, где тут у пчел их гнездо и соты с медом. И тогда пчелы их обязательно искусают.

Первобытные люди прошли еще метров сто. Огляделись. Пчелы поблизости не летали.

— Давай здесь, — предложил Ко.

Все было хорошо, пока Ко не развернул кон-

феты (или мясо бизона — это одно и то же). Как только он их развернул, над головами ребят стала кружиться пчела, потом она улетела и быстро вернулась с подругой, а за подругой появилась еще подруга, а потом все новые и новые. Пчелы загудели вокруг мальчишек, и особенно много их вертелось вокруг Кости.

— Да что вам надо?! — замахал руками Ко и сразу жестоко поплатился: какая-то рассерженная пчела больно ужалила его в руку.

Бывшие пионеры, а ныне первобытные люди, подхватили свои вещи и побежали. К счастью, пчелы их не преследовали. Но удивительное дело: как только ребята опять остановились и развернули конфеты, раздалось угрожающее жужжание. На этот раз Костя не стал ожидать, когда его опять укусят, а сразу пустился бежать.

— Давай есть на ходу, — предложил Па. — Это они на конфеты летят.

— Давай, — согласился Ко. — Наверное, первобытные люди тоже кое-когда на ходу ели, если, например, их преследовали шакалы.

Есть на ходу было не совсем удобно, но зато безопасно. Ребята съели и конфеты, и печенье (хотя отложили их как неприкосновенный запас), и корешки саранок. Правда, Ко сначала только посмащивал, как Па аппетитно пережевывает белые дольки, но вскоре убедился, что с приятелем ничего не происходит, и сам стал их есть.

А речушка все бурлила и бурлила навстречу путникам... Никто не догадался перебросить через нее мостик, пусть самый плохонький, или просто бревно, по которому удалось бы перебраться на другую сторону. Никто не забыл на берегу лодки. Да ведь этот «никто» и не знал, что здесь появятся первобытные люди.

Усталые поднялись Ко и Па на бугорок и увидели неподалеку большое озеро.

— Дальше не пойдем, — заявил Па. — Сделаем здесь шалаш, переночуем, а завтра вернемся к Морошке. Может, там кто-нибудь проедет и увидит нас.

. Только сказал это Па, как в той стороне, где осталась Морошка, застучал лодочный мотор.

— Давай сейчас возвращаться, — заторопился Ко.

— Сейчас не успеем. Видишь, солнце садится» Пока светло, надо сделать шалаш, а то где спать будем?

— Как ты его сделаешь? У нас ни топора, ни лопаты нет,

— Вот и хорошо, — засмеялся Павлик. — Первобытные тоже жили без лопат.

Костя покорно поплелся за приятелем к берегу озера. Там он нехотя, подчинившись Павлику, стал ломать тальник. А Павлик сооружал шалаш так умело, как будто был первобытным мастером по строительству шалашей. Наломав веток, он заострил каждую с обеих сторон и повтыкал в землю так, что получились дуги. Потом переплел дуги продольными прутьями и набросал сверху веток и травы.

Через полчаса шалаш был готов.

Павлик собрался рыбачить. Косте он наказал развести костер. Когда Павлик скрылся за высокими кочками, Костя решил немного полежать. Спина у него, обожженная еще на плоту, горела, рука, которую ужалила пчела, болела, хотя Костя и прикладывал к ней по совету Павлика сырую землю, ноги устали. Какой уж здесь костер! Бывший капитан «Бор-Боса» улегся на траве возле шалаша, но скоро его оттуда прогнали осмелевшие к вечеру комары. Костя перебрался в шалаш и не заметил, как задремал. Разбудила его знакомая песенка:

Эх, лингданданя.
На отмели поутру
Мечет сазан икру...

Большое желтое солнце опускалось где-то за Морошкой; казалось, что оно шевелится, словно позевывает. Рядом с шалашом весело потрескивал жаркий костерок, возле него на корточках сидел Павлик. В обеих руках он держал над костром прутья, а на концах прутьев покачивались косатки.

Воду косатка пьет,
Словно соску сосет, —

напевал он вполголоса.

Поджаренные косатки аппетитно пахли, и Костя выбрался из шалаша.

— Доставай соль, — командовал Павлик, — ужинать будем.

— У меня нет соли, — виновато ответил знаменитый путешественник Костя.

— Поищи в моей сумке, у меня есть.

Костя перерыл все имущество Павлика, уколол палец крючком, но соли не нашел.

Павлик не поверил, долго искал сам, наконец сказал:

— Мы же мясо солили на плоту, помнишь? Куда же она девалась?.. Ну ладно, будем есть без соли.

Он снял с палочки жирную косатку и с аппетитом стал ее есть, закусывая листьями, которые нарвал дорогой.

— Это же черемша, — протянул он Косте несколько листьев, — бери. Что ты на меня так смотришь?

Костя попробовал горькую черемшу, пожевал несоленую Косатку и решил: «Нет, все-таки первобытным людям жилось не так уж хорошо. Даже, наверное, мясо мамонта без соли не очень вкусное».

Подкрепившись, ребята забрались в шалаш, положили под головы вместо подушек свои рюкзаки и скоро, прижавшись друг к другу, задремали.

Разбудили их раскаты грома и шелест дождя о ветки. Потом гром загрохотал прямо над шалашом,

и припустил проливной дождь. Одна за другой холодные капли стали просачиваться сквозь ненадежную крышу и капать на шею, спины и ноги скрючившихся искателей приключений. Капли еще можно терпеть, но скоро они превратились в струи и промочили и Борисова и Киле. Хорошо, что гроза ушла куда-то в сторону. Дождь перестал, но оставаться в промокшем насквозь шалаше было нельзя: чуть только кто-нибудь из приятелей шевелился и прикасался к стенкам, как на него сразу сползали затаившиеся в ветках капли, а то и сбегала целая струйка.

— Сейчас я разожгу костер, — на радость Косте сказал Павлик и полез в карман за спичками. Но спички отсырели, и ни одна из них не зажигалась,

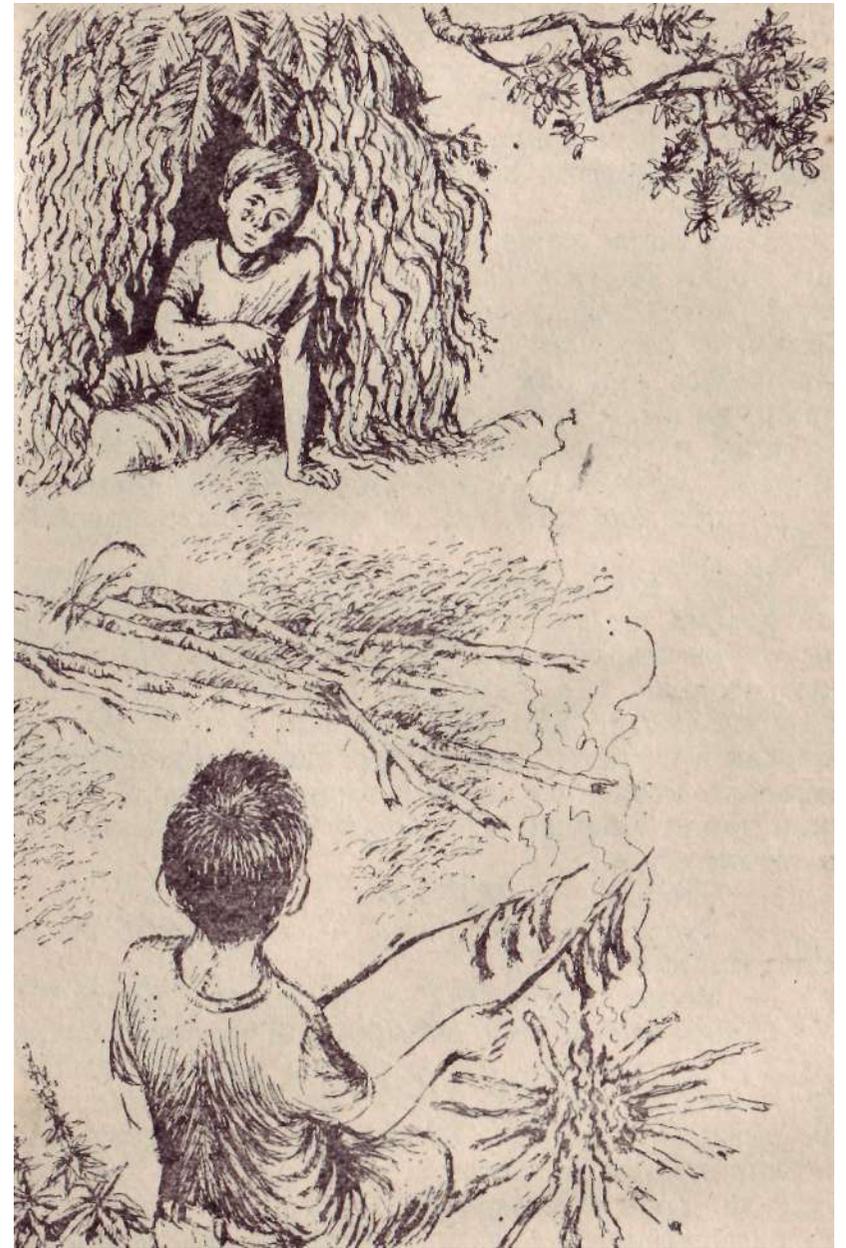
— Костя, у тебя есть спички? — спросил Павлик.

— Что я, курящий, что ли?

— Как же ты в поход собирался? Компас взял, карту не забыл, а спичек у тебя нет.

Костя хотел ответить, что настоящие путешественники могут разжечь костер увеличительным стеклом, или высечь искру из кремня, или найти еще десять способов получения огня, но промолчал: а вдруг Павлик скажет: «Ну вот давай — добывай огонь, раз ты такой умный!»

Ребята выбрались из шалаша. Из-за обрывков пробежавших по небу туч светила луна. Разбуженные громом и дождем лягушки, чтобы скоротать ночь, решили повеселиться и в болоте за озером старательно выквакивали свою лягушечью песню. Что-то темное притаилось под каждым кустом. Костя поежился и окончательно перестал завидовать первобытным людям. И вдруг путешественники увидели на другом берегу озера поблескивающий сквозь* деревья огонек. Мальчики разом подтолкнули друг друга и показали в сторону огонька.

— Далеко, — определил Павлик. — Это только кажется, что близко. Но далеко — недалеко, а идти все-таки надо — шалаш промок. — Он подумал еще немного и окончательно решил: — Пошли!

Костя осторожно натянул лямки рюкзака на свои пострадавшие от загара плечи и двинулся за Павликом.

Если наши первобытные предки бродили по ночам, то им действительно завидовать нечего. Мальчишек сразу же промочила до пояса сырая трава. Кочки, словно живые, лезли под ноги. Кому-то понадобилось как раз там, где шли Борисов и Киле, понарыть ям, в которые то и дело оступались ноги. Комары, изголодавшиеся во время дождя, свирепо пищали, подбадривая друг друга на разбойные дела, и впивались там, где их трудно было пришлепнуть.

Костя еле поспевал за Павликом и несколько раз просил его идти потише. Павлик шел тише, но ему очень хотелось быстрее добраться до таинственного огонька, где, наверное, сидели в тепле люди, и он незаметно для себя ускорял шаг. А тут еще впереди в камышах кто-то противно и пронзительно замычал. Ребята от неожиданности присели. Наступила такая тишина, что Костя услышал, как у него стучит сердце.

— Что это? — шепнул он.

— Это... Это... Не знаю, — тоже шепотом ответил Павлик.

— Может, вернемся? — предложил Костя.

Оставленный ими отсыревший шалаш казался ему сейчас уютным и надежным убежищем. Павлик колебался. Огонек впереди все еще мерцал, словно указывал дорогу. Осторожно приподнявшись, Павлик поднес к губам горн и, вдохнув побольше воздуха, громко затрубил. Горн теперь был у ребят единственным оружием, и он сделал свое дело: в камышах послышалась возня, плеснула вода, и,

замычав по-бычьему, в небо взлетела большая птица.

— Выпь, — облегченно сказал Павлик. — Пошли, первобытный Костя.

— Иди ты со своим первобытным! — рассердился Костя.

А выпь уже кричала где-то на другом берегу, и хотя, мальчишки знали, что это простая болотная птица, слушать ее все-таки не хотелось.

Ночью дорога всегда кажется длинней, а очертания самых обычных березок — необычными. Путешественники сначала приглядывались к кустам, не затаилась ли там какая-нибудь опасность, но потом осмелели, попривыкли и старались только идти побыстрее и меньше падать. Дважды из-под ног у них испуганно взлетали птицы, пугая ребят, один раз с писком юркнул в траву какой-то зверек. А мальчишки все шли и шли. Огонек то прятался за деревьями, то снова мерцал. Наконец приятели почувствовали под ногами тропинку, а огонек превратился в маленькое освещенное оконце.

— Избушка! — шепнул Павлик.

Мальчишки с минуту потоптались на месте, приглядываясь и прислушиваясь. В избушке стояла тишина.

— Пошли, — позвал Павлик.

— Пошли, — согласился Костя.

Но никто из них не двинулся с места.

— Пошли, — опять сказал Павлик.

— Пойдем, — из-за спины Павлика не очень твердо выразил свое согласие Костя.

Ребята сделали несколько шагов и снова остановились.

В это время свет в окошке заморгал и потух. Этого друзья никак не ожидали. Павлик взглянул на товарища и решительно зашагал к избушке. Костя хотел остаться на месте, — ведь бывает же, что один человек идет в разведку, а второй ждет. Но стоять одному в темноте еще страшней, чем идти

к неизвестно чьему убежищу, и Костя догнал Павлика.

В темноте можно было подумать, что это та самая знаменитая избушка на курьих ножках, без окон, без дверей, про которую отлично знают из сказок все дети, потому что найти в ней дверь оказалось действительно непростым делом. Приятели обошли избушку вокруг, но входа не обнаружили. Тогда они стали щупать стены — и опять двери не нашли.

Подумав, Киле решился и постучал в оконце. В избушке как будто только этого и ждали: Павлик еще продолжал стучать, а рядом с окошком, весело заскрипев, запахнулась дверь.

— Ну, ну, айда, парнишки, заходите, — пригласил человек, открывший дверь.

Он чиркнул спичку и, когда ребята вошли, зажег свечу.

— Закутай дверь плотней, — сказал человек Косте, — а то гнус налетит.

Костя догадался, что «закутай» значит «закрой», и поспешно прикрыл дверь.

Хозяин избушки был бородат и лыс.

— А я вас давно приметил, — он окинул ребят настороженным взглядом. — Загасил свечу, вижу — у землянки мальцы топчутся. Что, думаю, за полуночники? Откудова вы такие нарядные?

Костя и Павлик переглянулись и прыснули от смеха. За эту ночь они промокли и изрядно

вымазались. Посмотрела бы на них Ида Сергеевна, какие они «нарядные»!

— Из лагеря мы, — объяснил Костя и, как воспитанный человек, добавил: — Здравствуйте!

— И вы будьте здоровы, — улыбнулся старик. — Как же вы с Утиной протоки сюда попали?

Мальчишки, поправляя друг друга, стали рассказывать о своих приключениях. Правда, они умолчали, что путешествовали на фрегате «Бор-Бос», а

сказали, что плыли просто на плоту. Не узнал дед и о первобытных людях. Но это не меняло дела.

— Так, так, — произнес старик, когда приятели кончили свой рассказ. — Есть-то, поди, хотите?

Костя и Павлик переглянулись, разом проглотили слюну, а Костя спросил:

— Соль у вас, дедушка, есть?

— Соль-то? Соль найдется. Да тебе она зачем?

— Да вон Павлик кормил меня косатками без соли...

— Ну, у меня еда соленая, — сказал дед и поставил на стол котелок с ухой.

Уха была еще горячая, крепко приправленная диким луком и, конечно, соленая. Путешественники вооружились деревянными ложками и без лишних церемоний навалились на уху.

Даже повариха тетя Настя, а ей приходилось кормить пионеров и с плохим, и с хорошим, и с очень хорошим аппетитом, оказалась здесь, удивилась бы несказанно. Да и сами едоки с изумлением взглянули друг на друга, когда их ложки застучали о дно котелка. Неужели это они вдвоем съели столько ухи? И гости виновато посмотрели на своего хозяина.

— Ничего, — понял их замешательство дед. — Рыбешка у меня имеется. А не будет — поймает. У меня ее, рыбу-то, даже печка ловит, — и старик махнул в сторону неуклюжей печи, сложенной в углу избушки.

Мальчишки недоверчиво заулыбались: шутит, мол, дед. А старик, заметив, что его ночные гости сомневаются, продолжал:

— Правда, правда. Прошлым летом, в большую воду, эта печка пять сомов поймала. Да каких сомов, во! — и дед широко развел руки. — Если жарить, то каждый на два противня дели — в самый раз будет. И как все случилось... Разлилась матушка-Морошка и мою избенку затопила. Сошла вода,

я и думаю: поеду, посмотрю, цела ли изба? Приезжаю, смотрю — стоит. Дверь открыл, захожу. Слышу, кто-то в печке ворочается. Заглянул — батюшки! В печке сомы. Я их оттуда кочергой. Во как! — старик, довольный, усмехнулся. Заметив, что глаза у ребят слипаются, он поднялся. — Ну, закусили — и ладно, а сейчас спать. Завтра я отвезу вас на тот берег. Лодчонка у меня есть, а там сами действуйте. Я бы вас и до лагеря довез, да мне домой к бабке надо, потеряла, поди. Я ведь здесь только рыбачу, а живу с бабушкой в деревне.

Мальчики поблагодарили хозяина и улеглись в углу на ворохе свежего сена. Оно пахло зелеными лугами, земляникой и летом. У Павлика в глазах сразу побежали волны, а на них запрыгал поплавок. Костя же хотел придумать, как будет оправдываться перед Идой Сергеевной, но не успел, потому что мгновенно уснул.

Старик почистил висевшее на стене двуствольное ружье, разулся, посмотрел в темное окошко, дунул на свечу и тоже улегся на сене. И ему приснилось, что он пионер, носит красный галстук и трубит на горне, а его бабушка сидит на завалинке и грозит ему пальцем.

Глава шестая

Беспокойная ночь. Дрессировка Терешки. Поиски начались

Беспокойно коротал лагерь эту летнюю ночь. Отряды разошлись по палатам без привычного сигнала горна — Никита уехал с Семеном Петровичем. Вожатые всех шести отрядов томились в кабинете начальника лагеря и прислушивались, не раздастся ли стук мотора деда Антипа. Начальник лагеря хо-

дил из угла в угол, как будто считал и не мог сосчитать, сколько шагов от одной стены до другой. Он останавливался только для того, чтобы послушать, не едут ли физкультурники и врач, а Ида Сергеевна казалось, что это он хочет отчитать ее за плохую воспитательную работу с Борисовым, и когда начальник лагеря останавливался, Ида Сергеевна нагибала голову, готовая все снести.

В комнате мальчиков первого отряда никто не спал. Какой тут сон! Все наперебой обсуждали исчезновение Кости и Павлика. Эта тема вполне устраивала Ваню Конденсатора. Он знал, что если ребята перестанут говорить о беглецах, то вспомнят Раю Тузикову и его письмо к ней, поэтому Ваня всячески поддерживал разговор о Косте.

— В стойбище к нанайцам уплыли, — говорил он, — и теперь все лето будут там охотиться и рыбачить...

— Да ты что! — горячился Петя Азбукин. — Сейчас стойбищ и в помине нет. У нанайцев такие дома, знаешь, как дачи! По-моему, они на острове сидят, как Робинзон и Пятница. Павлик рыбки наловил, они ее и жарят, а плот тебе просто пригрелся — бывает же мираж.

— А я, понимаешь, думаю, — вклинивался в разговор Сева, — они и правда на плоту уплыли. Этот Костя любит приключения.

Поварихе тете Насте тоже было не до сна, — она пекла пирожки. Вдруг мальчики не найдутся, тогда старшие ребята пойдут их искать и возьмут пирожки в дорогу. Питаться человек всегда должен, без еды никак нельзя. Поэтому профессия повара такая уважаемая. За этими думами тетя Настя опять забыла посадить «на цепь Терешку, и пес спокойно спал в своей будке: раз он не на цепи, значит, не на посту и может располагать своим временем, как хочет. Он и располагал — спал себе беззаботно, как в далекие щенячьи годы.

Девочки первое время шушукались под одеялами. Девчонки всегда найдут о чем посеCRETничать, а тут такое дело... Одна Рая Тузикова делала вид, что спит. Тогда и остальные постепенно одна за другой задремали.

Даже в малышовом шестом отряде нашелся человек, который не уснул сразу после отбоя. Этим человеком оказалась маленькая Луша. Луше надое-ло, что ее все считают трусихой, и девочка решила раз и навсегда избавиться от этого порока.

— Вот возьму и встану, — шептала она. — Встану и выйду на улицу. А там темно, а там лохматый Терешка, и сова летает.

Напугав себя такими словами, Луша поднялась и направилась между кроватями к двери. Но так как кроватей в комнате стояло много, а дверь только одна, Луша ее не нашла. Не отыскала она в темноте и своей собственной кровати и забралась под одеяло к Лене. Хорошо, что Лена не пиналась во сне и вообще спала, не просыпаясь, до самого подъема, а то бы девочки напугали друг друга. Там, на кровати у Лены, и нашли Лушу утром. Зато с тех пор, когда Луша боялась куда-нибудь пойти, она назло страху говорила: «Вот возьму и пойду». И шла!

Перед самой грозой пришла моторная лодка деда Антипа. Спасаясь от дождя, дед, оба Петровича и Никита прибежали в кабинет начальника лагеря, оставив моторку тарахтеть на берегу протоки. Потом, отдышавшись, дедушка Антип сказал: «Хватит ей разоряться», взял зонтик начальника лагеря и пошел сливать бензин. Другим способом, как вы помните, мотор нельзя было остановить. Вскоре мотор затих.

Никиту, накинув ему на голову клеенку со стола, отправили спать. Ребята встретили своего горниста таким количеством вопросов, что стань он на все отвечать, разговоров хватило бы до самого

рассвета. Семен Петрович доложил вожатым о бесплодных поисках, и все приуныли.

Как только прошла гроза, Семен Петрович поехал с дедом Антипом в колхоз «Рыбак», чтобы позвонить председателю Краснокуровского сельсовета и еще куда удастся и с утра организовать широкие поиски пропавших путешественников.

Один раз в три года мотор деда Антипа заводился с пол-оборота. Это считалось таким же редким явлением, как, например, встреча двух мух, одна из которых выпущена на Камчатке, а вторая — на острове Мадагаскар. Представляете, сколько им надо помотаться по свету, чтобы где-нибудь броситься друг другу навстречу. Но именно такой редчайший случай произошел в эту полную событиями ночь. Семен Петрович только еще думал засучить рукава, чтобы сменить Антипа, когда тот устанет крутить ручку, как мотор неожиданно затарахтел от первого рывка и без приключений доставил своих пассажиров до колхоза.

Краснокуровскую телефонистку звонок Семена Петровича оторвал от разгадывания кроссворда, и она побежала будить председателя сельсовета. Кстати, ребята, вы не знаете название какой рыбы, которая обитает только в Амуре, состоит из четырех букв, причем последняя буква «р»? Именно на этот вопрос в кроссворде телефонистка никак не могла ответить.

После того как прибежал председатель сельсовета и выслушал Семена Петровича, телефонным проводам, протянутым в тайгу по берегам Морошки, пришлось поработать. Они разбудили командира вертолета лесной охраны. Командир вертолета сам некоторое время назад был мальчишкой и знал, на что способна эта публика, поэтому он сказал:

— Мальчишки? Все ясно! Будем искать.

Когда раздался телефонный звонок на таежной метеостанции, радист Алеша не спал. Нет, он не де-

журил, он просто выпускал новую стенную газету.

На метеостанции жили всего четыре человека— три девушки и Алеша, а также беспризорный и к тому же подраненный вороненок Федюшка с перебинтованным крылом. Настоящие печатные газеты попадали на метеостанцию нерегулярно, и Алеша восполнял этот пробел своей стенной, которая скромно называлась «Таежный рупор». Девушки писали в стенную газету почему-то неохотно, они говорили, что берегут чернила. Алеша в это не особенно верил, но не унывал и сочинял всю газету сам. Неудивительно, что весь критический материал каждого номера посвящался Тане, Гале и Люде (так звали девушек) и проделкам вороненка Федюшки. Они же были изображены на всех карикатурах.

Сейчас Алеша сидел и думал: чем заполнить последнюю колонку? Может быть, еще раз протянуть Люду за то, что она медленно чистит картошку, когда наступает ее очередь готовить обед? Алеша совсем собрался было написать об этом, но тут раздался звонок.

Радист выслушал председателя сельсовета и пообещал лично чуть свет выйти к берегу Морошки на поиски пионеров. Положив трубку, Алеша заполнил оставшееся место в газете сообщением о пропавших ребятах, повесил «Таежный рупор» на стену и лег вздремнуть. Так Люда спаслась от едкой заметки и смешной карикатуры.

Телефонные звонки докатились до леспромхоза, рыбозавода и других больших и маленьких населенных пунктов, и везде люди обещали рано утром выйти на розыски мальчишек.

Вызвался помочь в поисках и дядя Гоша — краснокуровский милиционер. Он прожил в Краснокуровке уже полгода, и никаких происшествий не случалось, только весной заблудился теленок. Милиционер дядя Гоша начал скучать, и вдруг — такое событие!

...Мальчишки из первого отряда очень уж, видно, расшумелись, и сну это в конце концов надоело. Он неслышно прошелся между кроватей, и ребята сами не заметили, как уснули один за другим.

Сколько проспал Никита, — точно не установлено. Когда же рассвело, он вдруг проснулся, будто кто-то как следует толкнул его под бок. Проснулся Никита не просто так, а с готовым планом, как разыскать своего друга Костю. План этот был надежный и простой: надо срочно выдрессировать Терешку, чтобы он, понюхав какую-нибудь Костину вещь, пошел по его следам. Для этого требовалось превратить Терешку из простой дворняжки в сыскную собаку, только и всего.

Горнист моментально вскочил и стал будить Петю Азбукина, чтобы вместе с ним сейчас же приступить за дрессировку. До подъема оставалось час или два, и за это время следовало успеть начать и закончить Терешкино образование.

Сколько ни тряс Никита Петю за плечо, тот не хотел открывать глаза. Петя разоспался, и разбудить его было не так-то просто. Тогда Никитка применил испытанный прием: он подергал Петю за ногу. А как вы помните, Петя не любил, чтобы его ночью дергали за ногу, поэтому моментально сел и замахал на Никиту руками. Никита отскочил в сторону, а то Петя спросонья мог подкинуть оплеуху, и шепотом изложил ему свой проект.

План дрессировки Терешки Пете очень понравился, и приятели стали искать какую-нибудь Костину вещь. Но Костя их подвел: уходя, он уложил все свое имущество в рюкзак и оставил тумбочку пустой.

Казалось, гениальный план рушится. Но не такой человек Никита, чтобы отступить при первой неудаче. Когда стало ясно, что никакого наследства Костя не оставил, Никита шлепнул себя по лбу и выпалил:

— Надо найти сырую рыбу!

Увидев, что Азбукин смотрит на него, разинув рот, Никита разъярился:

— Раз нет Костиных вещей, пустим Терешку по следу Павлика. А Павлик рыбак? Рыбак. Значит, если Терешка понюхает сырую рыбу, он побегит по следам Павлика!

Со сна Петя не нашел в плане Никиты ничего сомнительного, и друзья выскользнули на улицу.

Обогнув Терешкину будку, Никита и Петя направились будить тетю Настю, чтобы она дала рыбы и отпустила с цепи Терешку.

— Неужели опять проспала? — воскликнула повариха, когда к ней в дверь застучали ребята.

— Нам рыбы сырой надо, — объяснили они.

— И Терешку отцепите!

— Да что это делается? — ужаснулась тетя Настя и замахала полными руками. — Да у вас от сырой рыбы животы вспучит. Если проголодались, я пирожков дам, а сырую рыбу и не просите.

Кое-как объяснили ребята свою идею. Тетя Настя не очень в нее поверила, но дала карася и пошла с мальчиками к Терешкиной будке. К ее ужасу, пес, радостно поскуливая, встретил их по дороге. Значит, она опять забыла посадить его на цепь и оставила лагерь на ночь без надежной охраны...

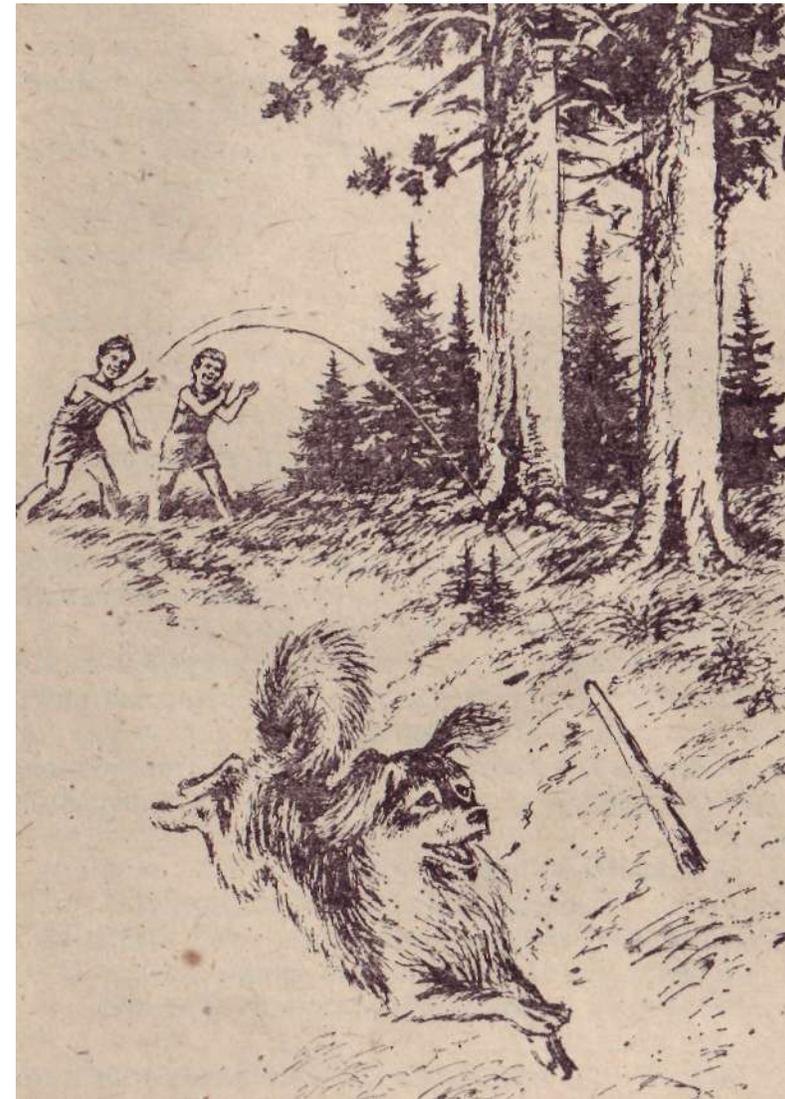
Итак, началось «натаскивание» Терешки. Для дрессировки приятели выбрали поляну между лагерьем и протокой.

— Первым делом, — сказал Никита, — надо приучить его приносить палку.

Никита поплевал на палку и, повертев ее перед носом собаки, швырнул в траву. Для Терешки это было любимым развлечением. Не успела палка упасть, как пес кинулся за ней.

— Способный пес, — заметил Азбукин. — Теперь я кину.

Терешка притащил и Петину палку.

— Поддается, — обрадовался Никита. — Пойдем дальше. У тебя есть носовой платок?

Носовой платок, вообще-то, у Пети имелся: чистенький и разглаженный, он лежал в рюкзаке с тех пор, как его туда положила мама, провожая сыночка в лагерь. Но не будешь же таскать платок в руках! В трусах-то карманы не предусмотрены. Поэтому платка с собой у Пети не оказалось.

— Тогда снимай майку, я дам ее Терешке понюхать, а ты спрячься в кустах, пусть он тебя по запаху найдет.

— Ты только быстрее, — попросил Азбукин, стаскивая майку, — а то там комары.

Петя скрылся в зарослях и крикнул: «Готово!». Никита сунул Петину майку под нос Терешки и, когда решил, что пес вдоволь нанюхался, приказал:

— Ищи, Тереша, ищи!

Терешка подскочил, пытаясь лизнуть дрессировщика, а когда это ему не удалось, запрыгал вокруг Никиты, радостно повизгивая.

Петя в это время воевал с комарами и ждал. Чтобы как-то скоротать время, он принялся считать убитых комаров. Когда он насчитал сорок два комариных трупа и выглянул, Никита все еще отбивался от разыгравшейся собаки. Картина эта возмутила Азбукина.

— Здравствуйте! — закричал он. — Меня тут комары заели, а он с собакой забавляется!

Наконец Терешка добился своего — лизнул Никиту в щеку и стал кататься по траве.

— Перепрячься, — попросил Никита. — Он тебя уже увидел.

— Нет уж, прячься сам, — вылезая из кустов, запротестовал Азбукин. — Пусть и тебя комары кусают.

Никита самоотверженно снял рубашку и побежал в кусты. На этот раз Терешка решил, что ребя-

та хотят поиграть с ним в прятки, быстро разыскал лагерного горниста.

— Ну, вот, — даже заплясал Никита. — Дело идет. Теперь дадим ему понюхать карася.

— Подожди, — возразил Петя, — давай сначала разбудим Иду Сергеевну. Пусть она построит отряд, а то Терешка пойдет по следу, а никого нет.

— Сами пойдем, — отрезал Никита и сунул карася под нос Терешке.

— Терешка понюхал и с удивлением посмотрел сначала на Никиту, потом на Петю.

— Ищи, Терешка! — приказали дрессировщики.

Пес виновато завил хвостом, что, мол, вы от меня хотите, не пойму никак. Потом прижал уши и лег.

— Дай ему еще раз понюхать.

Нюхать снова карася собаке не хотелось, Терешка завертел головой.

— Держи его за морду, — приказал Никита.

Пока Петя Азбукин держал Терешку, Никита прижимал к его носу карася и приговаривал:

— На, на, хорошенько нюхай,.. Отпускай! — наконец крикнул он.

Почувствовав свободу, пес кинулся от своих дрессировщиков в лагерь.

— Вот видишь, — обрадовался Никита, — наверное, Павлик уже в лагере. Бежим!

Но Терешка подвел: он забился в свою будку и не хотел вылезать, пока Никита и Петя не ушли.

— Времени в обрез, — жаловался Никита, — а то бы мы его вышколили.

К самому подъему вернулся Семен Петрович. Он доложил, что уже много людей вышло на поиски Кости и Павлика и даже вылетел вертолет. А Никите физкультурник привез потерянный мундштук от горна, — оказывается, он валялся в лодке.

После завтрака выступил на поиски первый от-

ряд во главе с Идой Сергеевной и Семеном Петровичем. Для Кости и Павлика захватили целую сумку еды, а Май Петрович взял полный саквояж медикаментов.

Опять полилась над дорогой, что бежит вдоль Утиной протоки, отрядная песня:

Выходите, запевалы,
В первый ряд.
Песню дружную подхватит
Наш отряд.
Песню дружную подхватит,
А хороших песен хватит
У ребят, неунывающих ребят!

Рая Тузикова и Ваня Иванов шагали рядом, и Ваня рассказывал Рае, как сделать самый простой транзисторный приемник.

В это же самое утро из КраснокурОвки вдоль левого берега Морошки уже шли охотники. С верховьев той речки, через которую не могли перебраться первобытные люди Ко и Па, вышел радист метеостанции Алеша. Таня, Галя и Люда махали ему с крылечка, а вороненок Федюшка стучал клювом в окно. Над тайгой летел вертолет лесной охраны. На катере из леспромхоза ехали комсомольцы-лесорубы.

Да разве у нас дадут пропасть человеку, если он попал в беду!

Глава седьмая

*Записка: Утки на перемете. Браконьер.
Двое в черных трусах*

В оконце избушки бестолково колотились слепни. В избушке стоял полумрак, а на улице сияло солнечное утро и слепни стремились туда, на омы-

тый ночным дождем зеленый простор. Они бились о стекло своими глупыми головами и не понимали, что это такое не дает им лететь.

Сердитое жужжание разбудило Павлика. Он открыл глаза, увидел слепней и подумал, что их надо собрать в - спичечную коробку — хорошая будет наживка для рыбалки. Решив этот немаловажный рыбацкий вопрос, Киле осмотрелся. Дед куда-то ушел, его начальник Костя еще спал, зарывшись головой в пахучее сено, печка, которая наловила деду сомов, стояла на месте. Павлик потихоньку поднялся, приоткрыл дверь и, потянувшись, с удовольствием вдохнул чистый воздух раннего утра.

— Вставай, капитан! — крикнул он, собирая с окна слепней.

Костя приоткрыл один глаз, потом второй и уселся на сене. Он выспался, отдохнул, к нему вернулось хорошее настроение и жажда новых приключений.

— Здорово! — воскликнул он. — Вот это да! Сейчас мы с тобой еще что-нибудь придумаем!

Но Павлик вернул его к самым обычным делам.

— Надо сначала умыться, пошли-ка на озеро, — позвал он.

Вода в озере оказалась теплой, как парное молоко. Ребята вдоволь побарахтались в ней, поплавали и, довольные, выбрались на берег.

Солнце незаметно поднималось. Неподалеку, на мелководье, перелетали с места на место и пересвистывались кулики. Над фиолетовой ложбинкой, густо поросшей цветущими ирисами, трепыхался на одном месте жаворонок и звенел не смолкая, чтобы весь мир знал, как ему хорошо. Можно было целый день стоять тут у озера, слушать и смотреть по сторонам, и каждый раз замечать что-нибудь новое. Даже у самых ног, если присмотреться, открывалось все время необычное. Вот Костя чуть не наступил на какую-то травку, удивительно похожую на

крошечную елочку. Но он вовремя ее углядел, и нагнулся, чтобы потрогать пальцами.

Самая же обыкновенная кочка оказалась не просто кочкой, а мышьиным домом. Под неё вела норка с утоптанной тропкой. Мышки дома не оказалось. На сырой после дождя земле ясно отпечатались ее следы — из норки к травке-елочке, от елочки в густую траву.

— А домой — в лагерь!.. — вспомнил Павлик, и друзья побежали к избушке.

Дед еще не вернулся. На столе под газетой мальчишки нашли два куска вареного сазана, жестянку с солью, пучок дикого лука и разрезанную тоже на две части краюху хлеба.

— Хороший дед, — сказал Костя, пережевывая сазана, — это он для нас приготовил.

Павлик пододвинул к себе банку с солью и увидел под ней сложенный вдвое листок из школьной тетради.

- Записка, что ли? — удивился он.

Костя выхватил у него из рук листок и прочитал написанные крупными буквами слова: «Ждите. Скоро приду. Ушел по важному делу».

— Подождем, — согласился Костя.

Скоро от рыбы остались одни кости, а от хлеба не осталось и крошек. Хозяин избушки не возвращался. Путешественники уложили рюкзаки, в свой Павлик засунул горн, и они вышли на улицу. Посидев немного на бревне, занесенным прошлым годом наводнением, ребята услышали один за другим два выстрела.

— Наверное, дедушка стреляет, — сказал прислушиваясь Павлик. — С чего бы это он? Пойдем, посмотрим.

Костя согласился, и мальчишки отправились в ту сторону, откуда донеслись выстрелы. По дороге им попалось небольшое озерко, где, по мнению Павлика, могли водиться караси, но деда здесь не ока-

залось. Чуть дальше приятели увидели еще одно озеро и, раздвигая траву, стали продвигаться к нему, — может, где-нибудь там сидит старик со своими удочками.

У самого берега Киле высунулся из травы и сразу присел, шикнув на Костю, шумно шагавшего за ним. Костя тоже присел и через плечо Киле взглянул на озеро. Совсем рядом на воде как-то странно, на одном месте, плескались две утки. Они ныряли, били по воде крыльями, но не взлетали.

Понаблюдав за утками несколько минут, Павлик встал, ожидая, что птицы сейчас же взлетят, но они только еще сильнее захлопали по воде крыльями. Зато под другим берегом из камышей разом вспорхнули еще две утки и над самой травой потянули к дальним лугам.

- Это их рыбы какие-нибудь держат, — предположил Костя.

— Придумал! Двух-то сразу?!

— Чего ж они не летят?

Павлик только пожал плечами и крикнул:

— Кыш! Кыш вы, пернатые!

Друзья принялись кричать, махать руками, но странные птицы не улетали.

— А, — сказал Костя, — это их кто-нибудь привязал. Подсаживают же охотники домашних уток, чтобы они подманивали диких. — И Борисов снисходительно взглянул на недогадливого товарища.

— Что ты! Сейчас нельзя охотиться! Я же тебе говорил, — ответил Павлик и стал раздеваться.

Раздвигая листья кувшинок, Павлик побрел к ближней утке. Она нырнула, но сразу же показалась над водой.

— Лови ее! Хватай! — кричал с берега Костя.

Павлик сделал еще несколько шагов по илистому дну и протянул руку. Утка опять ушла под воду, но Павлик захватил рукой поводок.

— Снимай ее и тащи сюда! Чего ждешь? — приплясывал в нетерпенье на берегу Костя.

— Снимешь ее! Она, знаешь, как крючок заплотнула, никак не отцепишь.

Из двух уток Павлику удалось освободить только одну. Испуганная птица, взбороздив воду, полетела к Морошке. Вторую пришлось отпустить вместе с крючком. Для этого, весь обрызганный водой, Киле сходил на берег, взял складной ножик и отрезал поводок.

Костя ругал приятеля, называл его растяпой, думая, что утка вырвалась у Павлика из рук. Маленький нанаец невозмутимо выслушал его и снова сказал, что сейчас нельзя охотиться — утки выводят птенцов.

— Мы бы живую утку в лагерь притащили, — негодовал Борисов. — Экспонат был бы. Эх, ты!

— А что такое «экспонат»? — поинтересовался Киле.

Несмотря на то, что рассерженный начальник экспедиции не ответил, звучное слово понравилось Павлику, и он несколько раз с удовольствием повторил: «экспонат, экспонат...» А потом сказал, что перемет в озере не на рыбу. Костя не поверил.

— Скажешь еще, — хмыкнул он. — А кого ж тогда им ловить? Лягушек, что ли, или крокодилов?

— Этот перемет на уток. Там на каждом поводке поплавок и крючки, как якоря, двойные, — объяснил Павлик, и добавил: — Сейчас я тебе тоже скажу одно слово — «браконьер». Слышал? Перемет поставил браконьер. Надо скорее разыскать нашего деда и сказать ему. Пусть поймают этого браконьера.

Еще с полчаса пробирались путешественники туда, откуда донесся выстрел. Солнце начало припекать, и обожженная еще вчера спина Кости сразу это почувствовала, особенно под лямками рюкзака. Деда нигде не было видно, и ребята хотели воз-

вращаться к избушке, как опять, казалось совсем недалеко, прогремело сразу несколько выстрелов. За густыми зарослями тальника не разглядеть, кто стреляет, и друзья побежали прямо на звук.

Исцарапав ноги о шиповник, они выбрались на берег и увидели на середине залива лодку и стоявшего в ней человека. Они хотели окликнуть его, но человек тут же сел и торопливо начал грести веслами, направляя лодку к противоположному берегу. К тому же месту, вдоль залива, бежали двое в черных трусах. Но человек на лодке опередил их. Причалив, он выскочил на песчаную косу, похватал лежавшие там у костра какие-то вещи, бросил их в лодку и, оттолкнувшись веслом, стал пересекать залив.

— Ложись, — с присвистом шепнул Павлик. — Это он!

— Кто «он»? — повалившись рядом, спросил Костя.

— Браконьер...

Прижавшись к земле, Костя взволнованно думал: дело нешуточное, они выследили живого браконьера и, может быть, поймают его и под конвоем приведут в лагерь. Ясно, что после этого сам начальник лагеря не посмеет их ругать, а если догадается, то на линейке, перед строем, даже объявит им благодарность. А вдруг и в газете напечатают заметку: «Пионеры задержали браконьера...» Любил помечтать Костя Борисов.

Браконьер же, перестав грести, перегнулся через борт и что-то там рассматривал или собирал.

— Видишь, — шепнул, не отрывая взгляда от человека на лодке, Павлик, — он не стрелял, а глушил рыбу, а сейчас собирает.

— Что, будем его ловить? , .

— Придется, — вздохнул Киле.

А двое в черных трусах, больше на них ничего не было надето, добежали до того места, куда при-

ставала лодка, запрыгали там, замахали руками и закричали: «Стой, стой! Отдай!» — и что-то еще, а потом кинулись вдоль берега, огибая залив.

Да, странные события разворачивались на пустынном берегу залива... Костя Борисов и Павлик Киле теперь не сомневались, что человек в лодке и те двое — одна шайка. Что-то не поделили и теперь гоняются друг за другом.

А тот, что находился в лодке, удобно уселся и сильными гребками погнал ее как-раз к тому месту, где затаились пионеры. Чем ближе подъезжал человек, тем меньше это нравилось Косте. — Какой он, молодой или старый, сразу не разглядишь, браконьер сидел спиной к мальчикам, но спина эта казалась широкой и сильной, попробуй захвати такого. А тут еще Борисов рассмотрел на носу лодки ствол ружья и тихонько начал отодвигаться за талину с длинными густыми корнями, висевшими нечесаными космами.

Совсем немного не доехав до притаившихся ребят, человек повернул лодку и поплыл вдоль берега. И тогда изумленные друзья узнали в браконьере так гостеприимно приютившего их старика.

— Давай за ним! — шепнул Павлик.

Прятели отползли немного от берега и, пригибаясь, стали пробираться вслед за лодкой.

— Так вот зачем он избушку в стороне от людей поставил, Кашей бессмертный! — ругался Павлик. — Это он здесь рыбу глушит. Кету, наверное, ловит, когда она икру метать идет. Ну погоди...

— Павлик, а как мы его, Кашея этого... схватим?

— Не отставай, там увидим...

Лодка пристала к пологому, поросшему камышом мыску. Ребята залегли за кустом колючего боярышника, от которого до лодки оставалось шагов двадцать, и замерли.

Костя посматривал то на старика, то на его ру-

жье и думал, что лучше не связываться с дедом. Как такого захватишь? Полезешь — он надает па шеям. И на другую сторону Морошки не перевезет. Какой уж тогда лагерь, лишь бы ноги унести. А то возьмет и пристрелит. Место здесь глухое...

Отсюда, из-за густого куста боярышника, хорошо было видно, как двое в черных трусах все еще пробирались вдоль берега. Сейчас они уже не бежали, а устало брели через кочки в самом конце залива.

Старик торопился. Он достал было кисет с табаком, но, увидев уже обогнувших залив тех двоих, сразу сунул кисет в карман. Перейдя в нос лодки, он выбросил на берег башмаки, штаны, рубашки, котелок, что-то еще. Потом сам перешагнул из лодки на песчаный мысок и принялся укладывать все эти вещи, в мешок.

Павлик тронул Костю за руку и зашептал:

— Давай так: как он взвалит мешок на плечи и пойдет — мы за ним. Выберем место и набросимся сзади, свалим и свяжем.

— Ладно, — нехотя согласился Костя. — Только куда мы его потом денем?

«Да-а, — подумал Павлик, — куда потом девать деда? Такого здорового далеко не утаишь. Может, лучше закрыть его, когда он вернется в избушку, а самим екорее в лагерь? Так он дверь выломает и уйдет. Да и как в лагерь попасть?»

Закусив губу, Киле со злостью смотрел на старика. «Хоть камнем в него запустить, что ли?» И тут взгляд Павлика остановился на ружье. Мальчик чуть не вскрикнул.

— Слушай, капитан, — в самое ухо товарищу зашептал он. — Как только Кашей отвернется, я выскочу и схвачу ружье. Тогда он у нас никуда не денется. Под ружьем-то он нас до самого лагеря довезет.

Отчаянный план Павлика понравился Косте.

— Здорово! — одобрил он. — Вот это будет приключение! Давай выскакивай!

Но старик стоял лицом к лодке, и Павлик выжидал. Ребята затаили дыхание и наблюдали, как дед уложил, наконец, вещи, а их оказалось немало, достал кисет и принялся свертывать самокрутку. Ногой Павлика заинтересовались муравьи и бегали по ней, как по родному муравейнику. Ну еще бегали бы просто — ладно, а то щекотали ногу своими усиками. Очень уж хотелось брыкнуть этой ногой или сбросить муравьев другой, но как тут пошевелишься. Косте тоже приходилось терпеть. Ему в бок уперся сучок, но Борисов боялся сдвинуться с места.

Наконец старик накурился, он смотрел уже не на лодку, а вдоль залива. Двое в черных трусах к этому времени преодолели половину дороги от конца залива до места, где стояла лодка, топтался дед-браконьер и томились за кустом пионеры. Они, эти двое, опять бежали и кричали: «Отдай!» и что-то похожее на «будем» или «забудем».

Пока те двое не подбежали, надо было действовать.

— Давай! — подтолкнул Костя друга. — Быстрее!

До этого Павлику казалось, что захватить ружье очень просто: вскочил, подбежал, схватил — и все! Минута сейчас наступила самая подходящая, но Киле медлил. Что ни говори, а страшно нападать на взрослого человека.

— Ну чего ждешь? Беги! — понукал Костя.

Павлик приподнялся и сейчас же снова припал к земле. Старик, ничего не подозревая, приподнял битком набитый мешок, встряхнул его и опустил на траву. Решившись, Киле бросился к лодке.

Услышав топот, дед обернулся и с недоумением уставился на мальчишку, схватившего его двустволку.

В первое мгновение Павлик не мог ничего ска-

зять. Сердце его тревожно колотилось. Он сам удивился своей смелости и не знал, как называть старика: на «ты» или на «вы»? Вообще-то дед — браконьер, нарушитель государственных законов, и с ним честному рыбаку, такому, как Павлик из рода Киле, нечего церемониться. В то же время он — пожилой человек, а старших надо уважать. Потом ведь он приютил их в своей избушке, а мог бы не пустить, прогнал бы — и все. Значит, что-то доброе в душе у деда сохранилось и его еще можно перевоспитать...

Выручил Павлика Костя. Увидев, что настоящее двуствольное ружье, которое могло быть и заряженным, находится в руках у его друга, Борисов почувствовал необычайную смелость. Он выскочил Из-за боярышника и заорал:

— Руки вверх! Вы арестованы!

Грозный окрик Кости привел -растерявшегося старика в себя. Он спокойно уселся на мешок и сказал:

— А, пионеры! Проснулись, значит? А я как раз о вас вспоминал. Думал, закончу тут свои дела, да и пора везти парнишек. В лагере-то, поди, заждались.

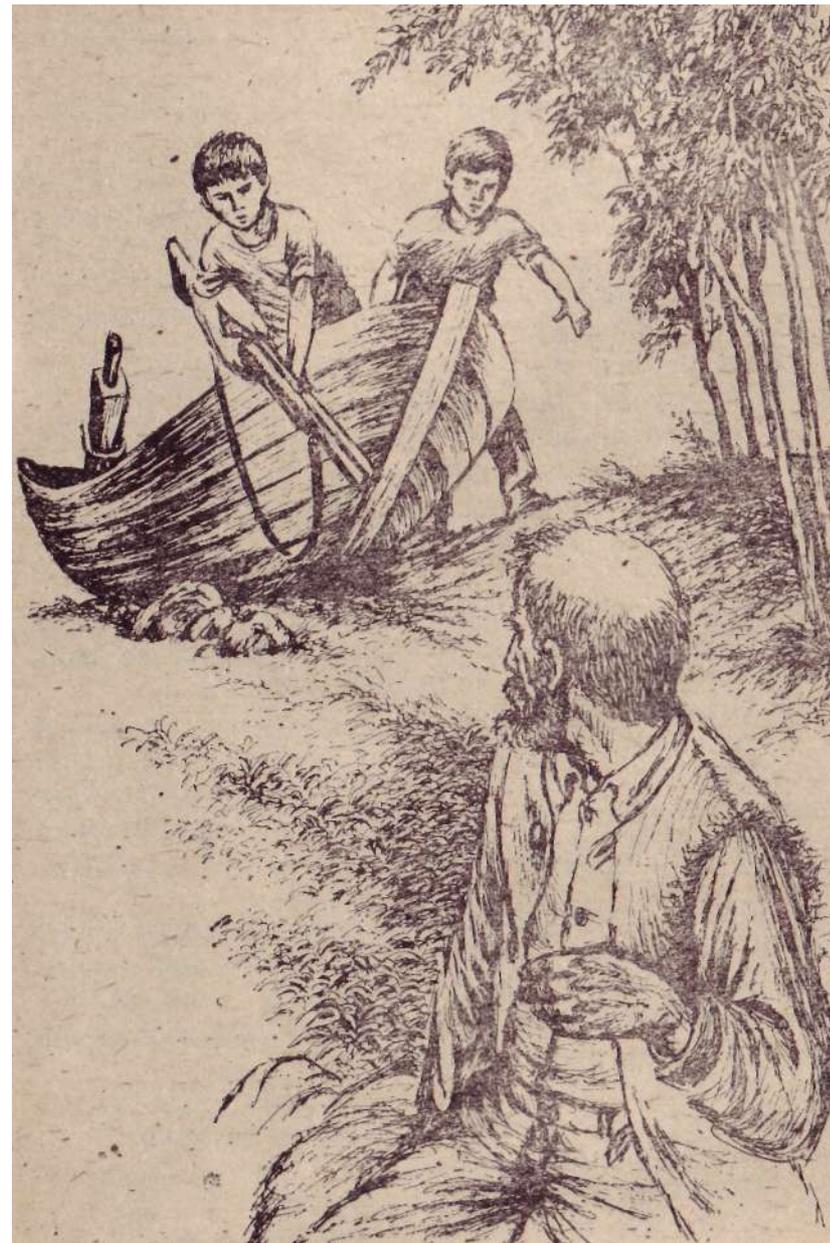
Теперь растерялся Костя. Он поглядывал то на своего приятеля, не опускавшего ружье, то на улыбающегося деда и не знал, что дальше делать.

Наглость браконьера разозлила Павлика. Коллебания его кончились, и он строго произнес:

— Разве честный человек будет уничтожать уток, когда они высиживают птенцов, а?

— Ишь ты, правильно говоришь, — добродушно сказал старик. — Да ведь я их не убивал. Какой я убивец? А ты отпусти ружье-то, отпусти. Ружье у меня хоть и не заряжено, а ты нанаец, значит, охотник, и должен знать, что даже незаряженное ружье иной раз выстрелить может.

— Ладно, потом разберемся, — продолжал на-

сидать Павлик. — А вам, старому человеку, разве не известно, что рыбу глушить нельзя? Вы браконьер, вот вы кто!

— И мы вас арестовываем, — поддержал из-за спины Павлика Костя.

— Ладно, парнишки, — сказал дед, — мужики вы, я вижу, серьезные. Сейчас мы с вами настоящих браконьеров задержим. Это они в заливе рыбу глушили. Я еще на заре взрывы услышал и пошел посмотреть, кто здесь озорует. А может, они и перемет на уток поставили...

Пока ребята и дед выясняли отношения, двое в черных трусах уже подбегали к лодке. Шагах в десяти они остановились, потоптались на месте босыми ногами и, поглядывая то на мальчишку с ружьем, то на старика, заканючили:

— Дедушка, отдай нашу одежду, мы больше не будем...

Сейчас Костя и Павлик хорошо рассмотрели эту пару в черных трусах. Оказались они тоже мальчишками, только чуть постарше Кости.

— Никуда ваши портки и рубашки не денутся, — строго заметил дед. — А сначала мы с пионерами снимем с вас допрос по всем правилам. А ну, подходи по одному! А ты, парень, — обратился он к Павлику, — в случае чего — пали, не жалея патронов!

— Да мы не убежим, — заверил один из мальчишек и подступил поближе. — Я же, дед, свой... наш — Деревенский. Гошка я. Вы ж меня знаете. Я, когда поменьше был, на вашей калитке любил кататься, а вы меня гоняли. Помните?

— Может, и помню, — сказал дед. — Да ты все равно для порядку сообщи нам свою фамилию.

— Так Горшков я. Сосед ваш Гошка Горшков.

— Понятно, — хитро посмотрел на него старик. — А это кто ж с тобой, такой отчаянный?

— Так Илюха это, городской он, к бабке Марье

Ивановне на каникулы приехал. Тетка она ему...

На отчаянного парня Илья в этот момент никак не походил. Он тер плечи и почесывал спину, покусанную мошкой, и тревожно посматривал на деда и его спутников.

Павлик опустил, наконец, приклад тяжелого ружья на землю и рассматривал Илюху и Гошку. Мальчишки как мальчишки, и надо же — закоренелые браконьеры! А Костя узнал Илюху. Жил он в соседнем дворе вместе с Петей Азбукиным, держал голубей, выпрашивал у всех знакомых книжки про шпионов и про охоту. Больше Костя о нем ничего не знал, потому что Илья учился в другой школе.

— Значит, Марьи Ивановны племяш? — продолжал допрос удобно восседавший на мешке дед. — Так что же вы, земляки, здесь подделывали?

— Браконьера выслеживали, — заявил Гошка Горшков и почесал живот. — Ты отдай нам, дед, хоть штаны да рубахи. Мошка донимает...

Дед будто не слышал, что Гошка говорит про штаны и рубахи, и продолжал допрос:

— Какого же это, любопытно мне, браконьера? — спросил он.

— Так водомерщика Игната. Он рядом с Марьей Ивановной живет. А Илья, как на каникулы приехал, сразу и заметил, что жена Игната уже третий раз диких уток щиплет, аж перья летят к Илюхиной тетке в огород. Сам-то Игнат на лодке без ружья ездит, вот мы и решили его выследить, чем же он их промышляет.

— Игнат, говоришь? — старик задумался, посмотрел на Павлика и Костю, подмигнул им и спросил у Гошки Горшкова: — Так, так, а кто же в заливе рыбу глушил, тоже Игнат?

— Мы, дед, рыбу не глушили. Мы гильзы в костре рвали.

— Какие еще гильзы?

— Что все я да я, — возмутился Гошка. — Илюхины гильзы, пусть он и расскажет.

— И то верно, — согласился дед. — Давай, Илья, подходи поближе и всю правду выкладывай.

— Они у тетки в кладовке хранились. Еще от дядьки остались, — заговорил до этого молчавший Илья. — Патроны эти лежали, пороху, там немного и пистоны есть.

— Зачем же вы их рвали? — допытывался старик.

Гошка и Илья переглянулись, помялись немного и Гошка сказал:

— Да мало ли зачем... Ночью кто-то по кочкам топал. Мы и решили два патрона рвануть. А потом так просто... Интересно же...

— А еще Тренировались. Вдруг браконьер покажется, а мы его взрывами от залива отпугнем, — добавил Илья.

— А если бы поранило вас, — рассердился дед, — покалечило кого?

— Мы, дед, издаля их в костер швыряли. А утром бросили в последний раз и побежали на песчаное место купаться. Тут ты нагрязнул и нашу одежду похватал.

— Вот оно как! — рассмеялся дед. — А я думал — вы там рыбу глушите...

Заулыбались и Костя с Павликом, только Илья и Гошка смотрели на них выжидательно, с ружьем все-таки, да еще пионеры из лагеря.

— Ну что, помощники, вернем им обмундирование? — спросил для порядка старик у пионеров и вывалил из мешка Илюхину и Гошкину одежду.

Те кинулись было к ней, но дед их остановил:

— Ишь, шустрые какие, я сам вам все выдам. Вот ваши портки, вот рубахи, кепки, — приговаривал он, подавая мальчишкам одежду. — Это Гошкины кеды. Я их след зяю. Ты в них на речку через мой огород носишься. Потопчешь как-нибудь ботву

у огурцов, ох будет тебе... А это, значит, Илюхины сапоги, — подал он городскому гостю длинные резиновые сапоги. — Вот ваш котелок... Уху-то варили?

— Нет еще, — сознался Гошка. — У нас на том берегу закидушки еще с вечера стоят. Проверять пора.

— Беда мне с вами, — ворчал дед. — Какой же рыбак поставит на ночь снасти и вместо того, чтобы утром их проверить, купаться припустит?

Он вынул из мешка сумку с хлебом, колбасой и подал мальчишкам. Потом достал патронташ, полный пустых гильз. Посмотрел на Павлика, будто ища у него понимания, и строго произнес:

— Так что ж вы мне голову путаете? Патроны, мол, в костер бросали... Раз патронташ есть, значит, и ружье где-то припрятано. Неужто на том берегу бросили?

Павлик опять взял дедову двустволку на изготовку. Казалось, Илья и Гошка Горшков полностью оправданы, а тут оказывается не все еще ясно.

Но мальчишки в один голос ответили:

— Не было, дед, ружья, — говорили они «дед», а сами смотрели на Павлика с ружьем.

Илья же для полной ясности добавил:

— Патронташ я у тетки взял, а дядькиного дробовика давно нет.

— А и правда, нет у Марьи ружья, — припомнил старик и, перевернув мешок, вытряс из него какую-то сумку с ремешками и петельками. — Смотри-ка ты, и ягдташ прихватили.

— А что такое ягдташ? — шепотом спросил Костя у Павлика. Так же вполголоса Павлик ответил, что ягдташ — это охотничья сумка, только настоящие охотники ее не носят, зачем перед каждым встречным-поперечным добычей хвалиться, а у ягдташа дичь подвешивается к ремешкам, идешь ты, а она сбоку болтается.

Гошка, в своих кедах, застиранном синем спортивном костюме и кепке, ничем бы не выделялся среди других мальчишек в пору летних каникул. Зато Илья, когда натянул великоватые ему болотные сапоги с отвороченными до колен голенищами, застегнул на поясе патронташ и перекинул через плечо ягдташ, удивил своим видом не только Павлика с Костей, но и деда, прожившего уже более семидесяти лет и немало повидавшего. Но Илья был доволен своим костюмом. Рисунок охотника, точно в таком одеянии, он видел в старой книжке с заманчивым названием «Охота по перу». Не хватало только ружья за плечами, а у ноги верной собаки. Не ружья, как известно, тетка не имела, охотничьей собаки тоже. А дворняжка по кличке Шарик, охранявшая теткин двор, не подходила для охоты ни ростом, ни видом. Да и ошейника у тетки не оказалось.

— Игнашку-то выследили? — любуясь Илюхиным одеянием, улыбаясь спросил дед.

— Не... Когда он из деревни выехал, мы дали ему за кривун завернуть, а потом сами на оморочку и за ним. А он как вводу нырнул, ни лодки, ни Игната, — объяснил Гошка.

— Ладно. Игната мы свами, с такими отчаянными мужиками, выведем на чистую воду.

— А мы знаем, где его перемет на уток стоит, — подал голос Костя.

— И я перемет этот поутру видел, — сказал дед — Только недосуг было им заниматься. Я «браконьеров» вот этих выслеживать пошел, для того и ружье прихватил.

Илья и Гошка опять в один голос принялись клясться, что никакие они не браконьеры, а наоборот... В это время в безоблачном небе, в той стороне, где осталась Морошка, снова, чуть не задевая за кусты, проплыл вертолет. А когда стрекотание его стихло, Павлику показалось, что он услышал далекий звук горна.

— Костя, горн! Слышишь?

Ребята привстали на цыпочки, прислушиваясь, но звук не повторился. «Показалось», — подумал Павлик, и все-таки вынул из рюкзака свой горн и протяжно затрубил. В ответ издали издали доносился еле слышный сигнал.

— Нас ищут! — заликовал Костя.

— Так мы пойдем, — обратился Павлик к деду, — пора нам.

— А я вам рыбу в садке храню, — огорчился старик. — Отнесли бы в лагерь.

— Спасибо, — поблагодарил Павлик. — Мы сейчас к реке. Там же наши. Это Никита, наш горнист, трубит.

— Ну ладно, идите, — согласился и дед — А если своих не встретите, то я через час с лодкой буду. У залива меня поджидайте...

Глава восьмая

*Лающий мальчик. Ловцы жемчуга. Горн.
В лагерь — на вертолете: Новый день*

Днем идти веселее, чем ночью. Это так же верно, как то, что получить пятерку гораздо приятнее, чем, допустим, двойку. Дорога, которой ночью, кажется, и конца нет, днем словно сжимается. Кочки и пеньки не лезут под ноги, а стоят как миленькие по своим местам. Идешь и удивляешься: и чего это кусты и деревья ночью казались такими таинственными? А сейчас видишь, что самый страшный куст, от которого шархнул в темноту, на самом деле высокий, весь в крупных цветах шиповник. Хоть стой и любуйся им.

Ребята подходили уже к озеру, где стоял перемет на уток, как Борисов, шагавший за Киле, ус-

лышал какое-то странное шуршание и стрекотание. Он прислушался и решил, что исходит оно из рюкзака Павлика. Костя сказал об этом товарищу, но Павлик отмахнулся, что, мол, там может стрекотать. Однако через несколько шагов он остановился. За спиной в его рюкзаке что-то действительно шуршало. «Кто это туда забрался? — подумал Павлик, снимая рюкзак. — Возможно, забралась полевая мышка и теперь что-то в рюкзаке грызет». Осторожно расстегнул Павлик рюкзак и заглянул в него. Кроме полотенца, мыла, лески и крючков для удочки да еще носового платка, недавно постиранного лично Павликом, ничего в рюкзаке не лежало. А все эти вещи, как известно, не шуршат и не поскрипывают. Показалось, решили путешественники и направились дальше.

Теперь все их разговоры касались только одного — как добраться до лагеря. Даже Павлик ни разу не подумал про рыбную ловлю, хотя места здесь были самые карасиные.

— Может, попробуем переплыть на «Бор-Босе»? Он ведь остался в заливчике, — несмело предложил бывший капитан фрегата.

Разжалованный баталер помолчал и ответил:

— Придется попробовать. Только возьмем хорошие шести и будем ими подгрести.

Чем ближе подходили ребята к Морошке, тем торопливее они шагали. Что ни говори, а Морошка — дорога в лагерь.

Вдруг приятели остановились: за мыском слышался собачий лай.

— Бежим! — крикнул Костя, и мальчики пустились бежать навстречу лаю.

Обогнув мысок, Костя и Павлик увидели приближающуюся лодку. В лодке сидели три паренька. Там же, наверное, находилась собака, потому что с лодки доносился лай. Лай был довольно странный, будто собака выгавкивал.а какой-то мотив:

— Гав-гав. Гав-гав-гав. Ав-ав!

И опять:

— Гав-гав. Гав-гав-гав. Ав-ав!

— Чего это она так лает? — поразился Костя. Павлик только развел руками.

Вот лодка поравнялась с нашими путешественниками, и они разглядели, что лает... мальчик. Этот лающий мальчик сидел на корме и держал рулевое весло.

— Может, он балуется? — шепнул Павлик.

Однако, на баловство все это мало походило. Лодка медленно плыла против течения, и, все трое ребят, находившиеся в ней, казались вполне серьезными. Один из них сидел за веслами, он уже, видимо, устал, греб вяло и часто бороздил то одним, то другим веслом. Тот, что сидел на корме, хрипло лаял: «Гав-гав. Гав-гав-гав. Ав-ав!» Иа дне лодки, посматривая в воду, сидел Третий мальчишка и держал странные широкие грабли с длинными изогнутыми железными зубьями.

— Эй, вы! — окликнул Павлик.

Мальчишки обернулись на крик. Тот, что сидел на корме, на секунду запнулся и опять стал гавкать.

— Может, он сумасшедший? — высказал беспокоившую его мысль Костя и повертел возле виска пальцем.

— Ничего, — ответил Павлик и махнул ребятам. — Подъезжайте сюда!

Лающий рулевой завернул лодку, и она причалила к берегу. Только тогда рулевой перестал гавкать. С минуту мальчишки рассматривали друг друга, потом Костя спросил:

— Вы кто? -

Ребята в лодке переглянулись, и тот, что лаял, важно ответил:

— Ловцы жемчуга!

— Ну уж! — усомнился Костя.

— А это ты видел? — ткнул рулевой ногой в кучу больших продолговатых ракушек.

Костя читал, что в далеких южных морях есть ракушки-жемчужницы, за ними ныряют ловцы жемчуга, прихватив с собой острый нож против акул, но чтобы здесь, рядом с пионерским лагерем, водились жемчужницы, — в это он поверить не мог.

Увидев, что их новые знакомые сомневаются, паренек с граблями сказал:

— Пашка, покажи ему.

Рулевой важно полез в карман, долго со значением копался там и наконец достал спичечный коробок. Из него он вынул бумажку и, развернув ее, показал пионерам круглый, чуть приплюснутый камушек величиной с сухую горошину.

—: Смотри, если понимаешь, — произнес он.

Камушек на его ладони поблескивал матовым, чуть голубоватым блеском.

— Вот это да! — выдохнул Костя. — И это настоящий жемчуг?

— Первый сорт, — ответил гребец.

— Как же вы ныряете в такую холодную воду? — спросил Костя, вспомнив, как они с Павликом попробовали купаться на песчаной косе Морошки, когда вчера утром впервые вышли к ее берегу.

— Мы не ныряем, — ответил гребец.

— А как достаете ракушки?

— А это ты видел? — показал паренек, сидевший посреди лодки, на грабли. — Бороздим ими по дну, где колонии ракушек. Ракушка лежит раскрытая, если зуб граблей попадет между створок, она цепляется.

— И что, в каждой жемчужина?

— Ага, в каждой, — ответил Пашка-рулевой, поглядывая хитрыми глазами.

Но паренек, гребец, сказал:

— Болтает он. Мы за неделю только одну и нашли.

— Это из-за одной жемчужины вы столько ракушек погубили! — рассердился Павлик.

— А как ты думал... — начал Пашка-рулевой, но его перебил паренек с граблями.

— Чудак, да мы створки-то ракушек сдаем. Знаешь, сколько в них перламутра? Мы из-за перламутра их и ловим, а жемчужины редко попадают, — вздохнул он.

— А чего он у вас лаял? — Костя показал на рулевого.

Ловцы жемчуга посмотрели друг на друга и прыснули. Потом мальчик с граблями объяснил:

— Это он по уговору. Грести-то против течения тяжело, никому не хочется. Вот Пашка и говорит: «Давайте, пока я буду лаять, вы меня не будете заставлять грести». Вот и тявкает от самой Краснокуровки. А вы откуда здесь взялись?

Пришла очередь наших друзей рассказывать о своих приключениях.

— Так это вас по всей Морошке ищут?! — воскликнули ловцы жемчуга. — Как мы сразу не догадались! Нас уже два раза останавливали. Спрашивали, не из лагеря ли мы, да как нас зовут. Пашку у нас чуть не отобрали, говорят: «В лагере тоже Пашка пропал».

— Так бы я и поехал, — недовольно сказал Пашка-рулевой.

— Садитесь скорей, мы вас отвезем.

Путешественники, довольные, что их приключения оканчиваются, уселись в лодку. Павлик сменил на веслах гребца, который хотя и сказал: «Ладно, я сам», но уступил с удовольствием.

Не успели отчалить, как Пашка поинтересовался, в чем это рюкзаке слепни в спичечном коробке шуршат. Павлик тут же схватил свой рюкзак, открыл у него карман и вынул оттуда спичечный коробок.

— Как ты догадался? — удивленно спросил

он. — Мы дорогой слышим — кто-то шуршит, а кто, догадаться не можем.

— Я такой, — ответил важно Пашка. А потом уже серьезно сказал: — Думаешь, ты один слепней для наживки в спичечном коробке держишь? Мы тоже так.

История с шуршанием и жужжанием завершилась. Лодка быстро заскользила по течению. Костя взял тяжелую черную ракушку и принялся ее рассматривать. Ракушка была как ракушка, только продолговатая и тяжелая.

— В этой уже смотрели, может, есть в ней жемчужина? — поинтересовался он, пытаясь раскрыть створки.

— Дай-ка, — взял ракушку Пашка-рулевой. Посмотрел на нее, постучал пальцем, послушал и говорит: — Есть, две штуки.

— Да брось ты, — перебил его паренек с граблями. — Не знаем еще. Так ее не раскроешь, нож надо. Мы их дома в котел с горячей водой бросим, они сами пораскрываются.

Показалась Морощка, и сразу же ребята ясно услышали раскатистый звук горна. Костя вскочил, Павлик опустил весла и достал горн. Конечно же, это горнил Никита, и ему надо скорее ответить. И пионеры и хозяйева лодки стали смотреть на противоположный берег реки. Сначала горниста не было видно, но вот из-за кустов тальника; на которые как раз налетел ветерок и они стали словно седые, показалась цепочка ребят. Павлик поднял горн и затрубил.

Маленькие человечки на том берегу остановились. Павлику и Косте казалось, что друзья из родного лагеря сразу узнают, что это едут они, Борисов и Киле. Но в первом отряде никто не догадывался, что Никитин горн, доставивший ему столько переживаний, находится у Павлика, поэтому пионеры стояли и выжидающе смотрели на пересекавшую ре-

ку лодку. Но вот Терешка взвизгнул, кинулся в йоду и поплыл навстречу лодке. Тогда и пионеры посыпались с другого берега к реке и замахали руками.

— Костя! Эге-гей! Ты не утонул? — закричал громче всех Никита.

— Ребята! — улыбаясь и сияя, кричал Костя, размахивая слетевшей с ноги сандалией.

Сандалия выскользнула из руки и шлепнулась в воду, но Костя не обратил на это внимания, как будто у него в запасе хранилось еще десять таких же.

Подплывшего Терешку затащили в лодку, и он в благодарность принялся отряхиваться, осыпая мальчишек брызгами.

Еще раз лихо гребанул Павлик, и лодка пристала к берегу. Костю и Павлика обступили друзья.

Ида Сергеевна, приготовившая на этот случай строгую нотацию, забыла про нее и улыбалась вместе со всеми. К ней тут же бросился Терешка, пытаясь ее лизнуть, как будто не Павлик и Костя терялись, а Ида Сергеевна. Терялась, а сейчас нашлась.

Пока шли первые беспорядочные расспросы, к берегу подошла моторная лодка краснокуровского милиционера дяди Гоши. Он тоже присоединился к общему торжеству, а Косте и Павлику даже отдал честь.

— Ну, орлы, в лагере поговорим, — сказал Семен Петрович, — а сейчас строиться и — домой. Не успел первый отряд построиться, как к берегу завернул катер леспромхоза.

— Нашли? — спросил в рупор старшина катера.

— Вот они! — подтолкнули пионеры к берегу путешественников.

— Живые, здоровые? Помощь не нужна?

— Нет, все в порядке, — ответил Май Петрович: ведь здоровье — это было по его части.

— Ну, счастливого пути! Приходите к нам в гости, — крикнул на прощание старшина, поглядывая на Иду Сергеевну.

— Придем, обязательно придем! — хором ответил первый отряд.

Катер развернулся и помчался В леспромхоз. Простился со всеми и милиционер дядя Гоша. Крадости ловцов жемчуга он взял на буксир их лодку, не придется сегодня рулевому Пашке ни лаять, ни грести.

Тут и первый отряд зашагал в лагерь.

Костя пытался идти в одной сандалии — вторая-то утонула, но потом скинул и ее.

Не прошли ребята и ста шагов, как в небе раздался гул мотора и над ними повисла большущая стрекоза — вертолет лесной охраны. Вертолет сдвинулся немного в сторону и стал опускаться на луг.

Нарушив строй, первый отряд бегом кинулся к нему. Огромные лопасти винта еще продолжали медленно, вращаться, а из кабины уже выпрыгнул командир вертолета.

— Нашли? — спросил он.

— Нашли, — ответили ребята.

— Нашли! — крикнули Костя с Павликом.

— Вы это, что ли? — почему-то догадавшись, спросил командир.

— Они самые!

Командир, который, как говорят, сам бывал мальчишкой, строго нахмурился, потом негромко, как бы раздумывая, сказал:

— Подвезти вас, что ли?

Тут поднялся такой радостный крик, что Ида Сергеевна зажала уши.

— А поместимся? — уточнил Ваня Конденсатор, когда ребята немного уgomонились.

— Войдете, — заверил летчик. - Я целый отряд парашютистов-пожарников могу взять, если лес загорится, а они потяжелее вас.

Пять минут усаживались пионеры и летели только пять минут, а может быть, и меньше. Качнулась и уплыла вправо Морошка, извилистым пояском сверкнула внизу протока Утиная, побежали наперегонки домики лагеря — и вертолет мягко опустился на лагерное футбольное поле. Терешка в вертолете все собирался заскулить и не успел.

— Прошу, — торжественно произнес командир вертолета. — Прибыли!

А к вертолету, топоча шестьюдесятью ножонками, уже бежал шестой отряд. За ним, размахивая книжкой «Конек-Горбунок», торопилась вожатая Аня. А за ней цепью, словно в атаку, стремительно двигались начальник лагеря, повариха тетя Настя и ребята из разных отрядов.

Так окончилось путешествие Кости и Павлика, начатое сутки назад на фрегате «Бор-Бос». Окончилось без потерь, если не считать, что у капитана фрегата Кости Борисова утонула сандалия с левой ноги...

* * *

— Тур-ду-ту-ту! Поднимайся, пионерия! — разносится над лагерем песня горна, того самого горна, что путешествовал на славном фрегате «Бор-Бос» водоизмещением в два бревна, а сейчас находится опять в надежных руках лагерного горниста Никиты Козлова.

— Гав-гав! Поднимайтесь, друзья! Посмотрите, какое славное солнечное утро! — лает Терешка.

Один за другим выбегают отряды на зарядку, где их, разминаясь на перекладине, ждет физкультурник Семен Петрович. А другой Петрович, Май Петрович, думает, не устроить ли сегодня медицинский осмотр первому отряду.

Но этим замыслом Мая Петровича не суждено осуществиться: Ида Сергеевна после завтрака уве-

дет первый отряд в колхоз «Рыбак» на прополку картофеля.

Не удастся Маю Петровичу осмотреть и второй отряд, — уйдет отряд на экскурсию в леспромхоз. Все будут довольны этим походом: и вожатая, и пионеры, и рабочие леспромхоза. Один только старшина катера не будет доволен. Ему почему-то хотелось, чтобы пионеров привела Ида Сергеевна. Но ведь так нельзя сделать, чтобы все, абсолютно все были довольны. Вот, например, радист с метеостанции Алеша так и не успел найти пропавших Костю и Павлика. По дороге ему встретился милиционер дядя Гоша и объяснил, что он опоздал. Ясно, что Алеша тоже был недоволен.

Тогда, может быть, третий или четвертый отряды поступят в распоряжение Мая Петровича?

Нет. Третий отряд едет с рыбаками колхоза ставить заезок и есть знаменитую рыбацкую уху.

Четвертый отряд будет собирать гербарий в подарок своему городскому Дому пионеров.

Остаются в лагере только пятый и шестой отряды, но их Май Петрович уже много раз осматривал, да и надо же шестому отряду когда-нибудь дочитать сказку про Конька-Горбунка.

— Тур-ду-ту-ту! — поет горн.

Начинается новый пионерский день, день новых дел и удивительных приключений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> С чего все началось. Ваня Конденсатор. Отбытие Кости Борисова в космос. Ваня идет в другую сторону. Река. Морошка	5
<i>Глава вторая.</i> Почему запоздал завтрак. Радиописьмо. Переполох. Приказ № 1. Следы Вани Конденсатора. Где Костя с Павликом?.....	20
<i>Глава третья.</i> Находка на берегу. «Бор-Бос» поднимает паруса. Фрегат не слушается руля. Земля!.....	39
<i>Глава четвертая.</i> Опять в лагере. Мотор деда Антипа. На острове и в Краснокуровке. Никита, ау!.....	53
<i>Глава пятая:</i> Весело ли жилось первобытным людям? Гроза. Таинственный огонек. Кто кричал? Как печка ловила сомов.....	62
<i>Глава шестая.</i> Беспокойная ночь. Дрессировка Терешки. Поиски начались	74
<i>Глава седьмая.</i> Записка. Утки на перемете. Брак-коньер. Двое в черных трусах	84
<i>Глава восьмая.</i> Лающий мальчик. Ловцы жемчуга. Горн. В лагерь—на вертолете. Новый день	101